

Павел Амнуэль

Библиотекарь

Предисловие публикатора

Перед вами художественное произведение в жанре НФ. Как всякое художественное произведение оно многопланово и охватывает множество аспектов нашей общей реальности. Но среди этого множества есть один, который прямо относится к тематике сайта МЦЭИ. Это довольно редкое явление в художественной литературе и потому знакомство с этим произведением читателя, посещающего наш сайт, окажется, как мне представляется, интересным для него. Не предвосхищая оценки повести в целом, предоставляю читателю самому оценить важность эвереттического аспекта повести. Своё видение научного элемента этого художественного произведения я дам в послесловии.

Девушка читала книгу, прислонившись к полке в отделе женских романов. Невысокая, смуглая, черноволосая, с короткой стрижкой. Лет двадцати пяти; может, чуть меньше. Южанка. Почему Хьюго обратил на нее внимание, когда шел из своего кабинета в отдел сельского хозяйства, чтобы снять с полки томик «Шорнгорской породы овец в XX веке» Вуда-Робертса? PDF-файл книги только что заказал профессор Берк из университета Фарго.

Было в позе девушки что-то странное, напряжение какое-то. Или показалось? Неважно. Женских романов Хьюго не читал и к любительницам Картленд и Стил относился настороженно – обычно это были дамы бальзаковского возраста, мало чего добившиеся в жизни, в том числе в любви, и удовлетворявшие собственные комплексы, переживая чужие страдания, чужие страсти и примеряя на себя чуждое для них отношение к жизни.

Сняв с полки том «Шорнгорской породы», Хьюго сдул с переплета ему одному видимые пылинки и направился к себе, чтобы занести выдачу в библиотечную карточку профессора и передать книгу в отдел копирования. Остаток дня Хьюго намерен был посвятить тестированию сети GLNS¹, к которой библиотеку подключили сегодня утром, и о безграничных, по идее, возможностях которой не только читатели, но и многие сотрудники еще не имели ясного представления.

Проходя мимо отдела женской прозы, он обратил внимание: черноволосая девушка стояла в той же позе, что и пять минут назад, но книгу теперь держала очень близко к глазам, и Хьюго подумал: почему бы ей не носить очки при такой близорукости?

– Простите, могу я чем-нибудь помочь? – спросил он, полагая, что услышит обычное «Спасибо, все в порядке».

Девушка молча протянула книгу, которую Хьюго сначала взял в руки и лишь потом остро ощутил ее необычность.

– Странная книга, верно? – спросила девушка, когда Хьюго, осмотрев томик со всех сторон, раскрыл его посередине, обнаружив строки, составленные из непонятных значков, каждый из которых был размером с обычную букву кегля «миттель».

Закрыв книгу, Хьюго еще раз внимательно ее рассмотрел, не обнаружив ничего, на что не обратил бы внимания с первого взгляда: стандартный размер покет-бука, толстенькая, страниц пятьсот, колонцифры отсутствуют, обложка полукартон, как и у прочих книжек такого формата. Ни названия, ни фамилии автора. Вообще ничего – белая обложка, матовая фабричная ламинация. Ни форзаца, ни авантюла, ни титульного листа – сразу

¹ Global Library Net System.

под обложкой, на первой странице начинались строки, составленные из значков, вряд ли имевших отношение к какому-нибудь известному языку (Хьюго был почему-то уверен, что не ошибается, и языка, буквы которого были бы похожи на миниатюрные лабиринты, не существует в природе).

Никаких выходных данных, сведений об авторе и копирайте – даже год выхода указан не был, будто книга возникла из безвременья.

Хьюго поднял взгляд, и девушка смущенно пожала плечами.

– Она стояла здесь, – девушка положила палец на шестую полку снизу, где располагались творения Барбары Картленд – между «В объятиях любви» и «Выше звезд».

Хьюго молча ждал продолжения, стараясь не смотреть девушке в глаза; он знал, как это раздражает, а молчание, наоборот, побуждает собеседника к продолжению – раз уж начал говорить, то рассказывай все, как было.

– Я не большая любительница женских романов, – произнесла девушка, будто оправдываясь, – просто сейчас лето, хочется отвлечься...

Может, она ждала, что Хьюго скажет: «Я вас понимаю, летом только Картленд и читать»? Но Хьюго молчал, и, похоже, девушка на него рассердилась: она не сделала ничего предосудительного, отчего библиотекарь стоит, как полицейский, глядя поверх ее головы и воображая невесть что?

– Кто-то, – сказала она, – наверно, поставил ее сюда по ошибке?

Книга была новой. Хьюго перелистал страницы – теперь медленнее, то и дело задерживаясь, чтобы рассмотреть странные значки-лабиринты, в которых взгляд утопал, зацепившись за какую-нибудь очень маленькую линию, возможно, ничего не значившую, а, может быть, как раз и определявшую значение той или иной буквы... или цифры?

Он пощупал бумагу. Обычная, восемьдесят граммов, по качеству точно такая же, на какой были напечатаны сотни книг, стоявших на полках – покеты-буки обычно на такой бумаге и печатали: дешево и качество неплохое.

Поднеся книгу к носу, Хьюго понюхал корешок – обычная склейка книжных блоков. Обычная книга, нарочито обычная. Вот, он нашел нужное слово: нарочито обычная книга! Но странная, тем не менее, до такой степени, что выпустить книгу из рук Хьюго не согласился бы и за тысячу долларов, которые, конечно, никто ему не предложит, хотя в его запутанном хозяйстве деньги были бы совсем не лишними.

Раскрыв книгу посередине, Хьюго принялся внимательно разглядывать пиктограммы, отмечая мелкие, но ясно различимые отличия одного значка от другого. Если каждый знак соответствовал букве (какого алфавита?), то буквы были разными, а если это было пиктографическое письмо, то каждая пиктограмма имела, по-видимому, собственное значение.

Последняя страница (а может, первая?) оказалась заполнена наполовину, и концевая строка была не полной, обрываясь посередине. Недоставало стоявшего отдельно от текста слова «Конец», здесь эту функцию мог бы выполнить знак, но его не было – текст (если это был текст) заканчивался, будто недописанное письмо.

– Вы уверены, что взяли книгу именно с этой полки? – спросил Хьюго.

Во взгляде девушки возникло сначала удивление, сменившееся иронией, и, наконец, насмешкой.

– Да, – сказала она коротко.

– Понятно, – протянул Хьюго, хотя ничего, конечно, не понимал на самом деле.

– Странная книга, – задумчиво произнесла девушка. – Одни значки, и все разные, хотя есть очень похожие.

– Все разные, – повторил Хьюго. – Вы успели...

– Что вы, – смутилась девушка. – Там их тысячи... Я говорю только о первой странице. Или последней? Не поймешь ведь, правда? У меня очень хорошая зрительная память. Я не хвастаюсь, просто это так и есть. Каждая пиктограмма хоть чем-то отличается от других.

Она помолчала и неожиданно добавила:

– Честное слово.

Хьюго улыбнулся. Девушка очень правильно говорила по-английски, так обычно говорят иностранцы, долго и тщательно изучавшие язык с учителем или по лингафонному курсу. Но акцент все равно выдает, акцент в речи девушки был очевиден, что-то южное, с довольно ощутимым растягиванием гласных. И внешность тоже: иссиня-черные волосы, смуглое лицо, черные внимательные глаза, римский нос, Хьюго хорошо его разглядел, когда девушка повернулась к полкам, и он увидел ее профиль на фоне яркого окна. Испанка? Итальянка?

– Это не наша книга, – сказал он и, увидев мелькнувшее во взгляде девушки удивление, объяснил: – Не библиотечная, я имею в виду. Кто-то принес ее сюда и поставил.

– Вы думаете – я? – в голосе девушки слышалось такое неподдельное изумление, что Хьюго поспешил откреститься:

– Нет, что вы, я совсем не... Просто хотел сказать, что...

Он окончательно смутился и замолчал, думая о том, как закончить разговор и уйти к себе, чтобы рассмотреть странную книгу более внимательно.

– Если это чья-то проделка, – продолжала девушка, – то очень странная, согласитесь. Изготовить такую книгу, если это не типографская печать, так трудно, что я даже не представляю...

– Вот и я о том же! – воскликнул Хьюго. – Слишком сложно для простой шутки, верно? Девушка молча кивнула.

– Хорошо, – решил Хьюго. – Спасибо, что привлекли мое внимание.

Он повернулся и пошел, неся книгу в левой руке, ощущая ее приятную тяжесть и предвкушая, как потратит час, а может, два или три, разгадывая немудреную, скорее всего, загадку и думая о том, кому, на самом деле, пришла в голову нелепая, но привлекающая внимание шутка.

У порога кабинета он оглянулся – девушка вышла из-за полок и смотрела ему вслед, прислонившись теперь к подоконнику, и ее лицо, ярко освещенное послеполуденным солнцем, показалось Хьюго копией картины какого-то итальянского художника. Закрывая за собой дверь, он помахал девушке рукой – не той, в которой была книга, а другой, свободной. Девушка улыбнулась в ответ и что-то сказала, но он увидел только, как губы ее шевельнулись, а потом закрытая дверь отрезала Хьюго от мира и, как потом оказалось, от прошлой жизни, не очень интересной, но все же имевшей для него важное значение хотя бы потому, что в прежней жизни он не только родился и окончил библиотечное отделение филологического факультета в Гарварде, но еще и успел жениться, родить дочь Сюзанну, развестись и вот уже пятый год жить бобылем, надеясь на то, что будущее окажется привлекательнее прошлого, но не имея никаких оснований быть в этом хоть сколько-нибудь уверенным.

Хьюго медленно перелистывал страницы, взгляд не блуждал по строчкам, а систематически переходил с одной на другую, от верхней к нижней. В том, что книгу он держал не вверх ногами и правильно – слева направо – переворачивал страницы, Хьюго убедился по косвенным признакам: на последней странице оказалось пятнадцать полных строк и одна, заполненная наполовину. На всех страницах пиктограммы почти касались друг друга, между ними не было ни промежутков, по которым можно было бы выделить слово, ни знаков препинания, если, конечно, не считать, что роль такого знака могла играть соответствующая пиктограмма, но тогда они все-таки должны были повторяться с той или иной квазипериодичностью, чего Хьюго при всем старании не заметил.

По обычной своей дотошности Хьюго пересчитал страницы – их оказалось около пятисот пятидесяти, точное число назвать он не смог бы, поскольку не был уверен, что ни разу не ошибся при подсчете. Да и неважно. Пятьсот с лишним страниц – какому шутнику могло прийти в голову заполнять их маленькими картинками, не вызывающими никаких ассоциаций?

Каждая пиктограмма была похожа на миниатюрный лабиринт, но на самом деле таковым не являлась – тоненькие линии много раз пересекались и составляли скорее не лабиринт, а прямоугольный узор, линейную развертку, что-то, возможно, означавшую, а, возможно (даже, скорее всего) не означавшую ничего и придуманную только для того, чтобы заставить такого зануду, как Хьюго, просидеть в тишине битый час, разгадывая не существовавшую загадку.

Закрыв книгу, Хьюго вспомнил о «Шорнгорской породе», которую еще час назад должен был записать в электронную карту профессора Берка. Он поискал взглядом, не нашел книгу на столе и вспомнил, что, скорее всего, оставил ее на полке в отделе женского романа – не скорее всего, а наверняка, сомневаться не приходилось.

Хьюго положил книгу с пиктограммами в верхний ящик стола и пошел в книгохранилище, размышляя не столько о собственной забывчивости, сколько о том, застанет ли еще в отделе женского романа смуглую девушку, которую никогда прежде в библиотеке не видел.

Книга Вуда-Робертса действительно лежала на полке, будто поверженный враг, по ошибке забредший не на свою территорию. Девушки не было. Забрав книгу, Хьюго выглянул в читальный зал. Народу сегодня было немного – человек десять, в основном, студенты, готовившиеся к передаче экзамена. Сессия закончилась на прошлой неделе, но передачи продолжались до конца месяца, кое-кто из студентов хотел избавиться от задолженностей, прежде чем отправиться отдыхать – домой или в летнее путешествие с друзьями.

Девушки не было и в зале, и почему-то Хьюго испытал по этому поводу разочарование, не соразмерное, как ему показалось, с произошедшим событием. Ну, девушка. Ну, иностранка. И что? Каждый день библиотеку посещают десятки девушек, среди них и городские красавицы, и уродины, каких мало, но после того, как Джорди уехала из Фарго, забрав Сюзанну, после мучительного бракоразводного процесса, после бессмысленных скандалов, которых Хьюго хотел избежать, а Джорди намеренно провоцировала, чтобы вызвать у дочери отрицательные чувства к собственному отцу, – в общем, после всего, через что ему пришлось пройти в последние два года, Хьюго не то чтобы избегал женщин, но старался не завязывать с ними близких отношений.

Интересно, – подумал он, – какую книгу она читала? Он пробежал взглядом по полкам и обнаружил, что «В поисках любви» Барбары Картленд стоит, чуть выдвинувшись, будто предлагая себя для чтения. Привычным жестом Хьюго подровнял ряд книг и, возвращаясь к себе, думал о том, что может представлять собой молодая женщина, пришедшая в библиотеку, чтобы посвятить час-другой чтению романа о «страстной любви, не знающей преград, и бездонной, как море». Именно такими фразами изъяснялись, как казалось Хьюго, не прочитавшему ни одного романа известной сочинительницы, ее квазилитературные персонажи.

Оформив заказ на копирование «Шорнгорской породы», Хьюго положил томик в поддон на краю стола – Фредди заберет книгу во время очередного обхода кабинетов и передаст в отдел копирования. Достав из ящика белую книгу, Хьюго еще раз перелистал ее, не очень приглядываясь к пиктограммам, – размышлял о том, кому понадобилась странная мистификация: явно типографская печать, профессиональный переплет. Чтобы изготовить такую подделку (подделку под что, кстати?), нужна не такая уж малая сумма. Скорее всего, мистификатор объявится – не сегодня, так завтра, такие люди не терпят анонимности, зачем-то же он принес книгу в библиотеку, поставил на полку и, вполне возможно, сидя в общем зале, откуда были хорошо видны ряды полок с женскими романами, наблюдал за тем, как смуглая девушка взяла томик в руки... а потом подошел Хьюго...

Надо было посмотреть, кто сидел неподалеку в зале, огорченно подумал Хьюго. Возможно, странная история уже имела бы окончание.

До закрытия библиотеки он не думал больше о книге, лежавшей на краю стола. Перевел из формата mp4 в более популярный формат avi телевизионный ролик, отснятый утром во время недолгого заседания попечительского совета, посвященного подключению компьютеров библиотеки к сети GLNS. Выступила миссис Аллен, директриса, которую Хьюго не любил за ее снобизм. Впрочем, сегодня начальница была не в пример прежним своим выступлениям немногословна, ограничившись поздравлением и словами о том, что теперь городская библиотека славного американского города Фарго становится равноправным членом всемирной библиотечной сети, что даст читателям возможности. Именно так – после слова «возможности» миссис Аллен поставила голосом жирную точку, не собираясь уточнять, в чем новые возможности состояли.

На самом деле сеть начала функционировать в половине второго, когда Хьюго вернулся после обеда и вспомнил о заказе профессора Берка. Джон Варгас, системный программист, нанятый попечительским советом специально для проведения важного для библиотеки мероприятия, сказал, заглянув в кабинет: «Все работает, Хью, я только что прочитал криминальные новости из газеты «Сидней ньюс» за восьмое августа сорок шестого года прошлого века, вытащил из каталога Сиднейской библиотеки. Чушь собачья, скажу я тебе – что полвека назад, что сейчас, люди всегда попадались на крючок. Представляешь...»

Джон не прочь был рассказать об афере, которую провернули летом сорок шестого года безвестные мошенники из Австралии, но Хьюго нетерпеливо заявил, что старые криминальные хроники его не очень интересуют, а если точнее, то не интересуют вовсе, и если Джону нечего сказать по существу, то «извини, мне нужно работать».

Иначе от Джона было бы не избавиться – он любил длинные рассказы о своих победах, в чем бы эти победы ни заключались, и никогда не обижался, если его обрывали на середине. «О'кей, – говорил он, – доскажу после», но никогда не досказывал уже начатую историю, потому что в запасе у него всегда были две-три новые.

Перед тем, как отправиться домой, Хьюго проверил, как функционирует GLNS, не нашел отклонений по сравнению с краткими подключениями, когда еще на прошлой неделе Джон и его команда проверяли работу установленного программного обеспечения. Ради интереса Хьюго заглянул в каталог Библиотеки Конгресса, в отдел «Пиктографическое письмо», даже вывел на экран скан книги Бибера об основных элементах древних пиктограмм, но разбираться в деталях не было ни времени, ни желания, и, к тому же, видно было с первого взгляда, что значки в лежавшей на краю стола белой книге так же походили на вавилонскую клинопись, как подводная лодка на электровоз.

Хьюго выключил экран, положил белую книгу в рюкзачок, запер кабинет и направился к выходу мимо опустевшего читального зала, кафедры выдачи и висевших на стене в холле крикливых картин местного художника Ораса Монтегю. Автор подарил свои творения библиотеке в день открытия, поскольку продать их было невозможно, а здесь они, как представлялось членам попечительского совета, оказались на своем месте. На картинах, как утверждал автор, изображены были обычаи племен сиу, на землях которых сейчас располагалась не только библиотека, но и город Фарго, и штат Северная Дакота, а может, и весь Североамериканский континент, если верить необузданным претензиям старого Юмо, нынешнего президента Ассоциации индейских резерваций Соединенных Штатов.

Когда раздался трезвон, Хьюго не сразу понял, что это он стал виновником тревоги. Он направлялся к выходу, думая о том, пойти ли ужинать в «Бристоль» или сварганить дома омлет и поесть, читая Томаса Пинчона.

– Хью, послушайте! – нервный возглас Мета Фишера заставил Хьюго вернуться в реальность и обнаружить себя в центре всеобщего возбуждения. – Извините, но что-то у вас звенит.

Звенеть у Хьюго не могло ничего, и он механически ответил:

– Мет, у вас в системе сбой. Не думаете ли вы, что я решил украсть книгу?
– Что вы... – если бы в холле было немного светлее, можно было бы, наверно, увидеть, как побледнело лицо чернокожего охранника. – Не могли бы вы положить сумку и пройти еще раз?

Хьюго пожал плечами.

– Вот видите, – удовлетворенно произнес Фишер, когда Хьюго, оставив рюкзачок на столе охранника, без проблем прошел зону контроля в обеих направлениях.

– Вижу – что? – с изрядной долей раздражения сказал Хьюго. – В сумке у меня ключи, чековые книжки, калькулятор, кошелек и больше ниче...

Да. Он совсем забыл. В рюкзачке лежала белая книга без названия, которая не могла принадлежать к библиотечному фонду.

– Позвольте, Мет, – Хьюго достал книгу, положил на стол и демонстративно помахал рюкзачком в зоне RFID-облучения². Тишина. Фишер взял книгу в руки и попытался объяснить неосторожные поступки библиотекаря:

– Наверно, по забывчивости положили книгу, мистер Мюллер? Я как-то тоже...

– Это не библиотечная книга, Мет, – Хьюго не собирался сглаживать углы, ему нужна была ясность. – Проверьте по каталогу.

– Конечно, – охранник взглянул на экран, где должен был появиться библиотечный номер и выходные данные книги, обнаруженной у посетителя, собравшегося вынести из помещения библиотечную собственность. Фишер нажал несколько клавиш, после чего на экране возникла надпись: «Книга с указанным RFID-кодом в каталогах не значится».

– Что и требовалось доказать, – с удовлетворением произнес Хьюго.

– Тогда почему книга обработана, как книга фонда? – резонно спросил Фишер.

Действительно. Если книги нет в каталоге, то почему на ней радиометка, причем активированная? Для мистификации это, пожалуй, слишком. Да и кто смог бы пронести книгу в рабочее время в комнату обработки, где трудилась Доната Кауфман, относившаяся к каждой книге, как к собственному чаду, которых у нее было на сегодняшний день шестеро? Нужно было на глазах бдительной Донаты поднести книгу к аппарату... Такого никогда не случалось и случиться не могло, скорее солнце повернуло бы назад в своем движении по небу. К тому же, если бы кто-то сумел отвлечь внимание Донаты, аппарат все равно не поставил бы метки, не соответствовавшей занесенному в каталог названию.

– Может, Дона ошиблась? – осторожно сказал Фишер, качая головой, поскольку понимал, что ответ может быть только отрицательным. Хьюго и отвечать не стал.

– Вот что, – решил, наконец, охранник. – Извините, Хью, я оставлю книгу у себя в сейфе до утра, о'кей? Утром разберемся с миссис Кауфман. Может, она действительно забыла записать название...

– Которого у книги не существует, поглядите, Мет. Ни названия, ни других выходных данных. Такой книги не может быть в каталогах.

– Понимаю, Хью. Вы весь фонд знаете, как свои пять пальцев, я уверен, все так и есть.

– Значит...

– Но поймите меня – книга звенит? Звенит. Может, сбой в системе. Согласен. Но мы с вами в этом разобраться не можем, верно?

– Вы правы, Мет, – не стал спорить Хью. Бесполезно было спорить – Фишер делал то, что положено по инструкции. – Я хотел поработать с книгой дома, это очень странное издание, сами видите.

– Не сердитесь, Хью, что так вышло.

– Надеюсь, – сказал Хьюго, мрачно следя за тем, как охранник открыл сейф, утопленный в стене чуть ниже картины Монтегио с изображением то ли пьяного индейца,

² Radio Frequency Identification – радиочастотная идентификация, метод автоматической идентификации объектов.

то ли трезвого марсианина, положил книгу на верхнюю полку и захлопнул дверцу, – надеюсь, утром вы обнаружите книгу на прежнем месте.

– Вы думаете... – Фишер поднял брови. – Вы полагаете...

– Шучу, – быстро произнес Хьюго. – Просто это такая странная книга, что в голову приходят нелепые идеи. Ничего с ней, конечно, до утра не случится. Всего хорошего, Мет.

– Доброй ночи, мистер Мюллер, – довольно сухо отозвался Фишер и странным образом не заметил протянутой ему руки. Действительно, подумал Хьюго, выходя из здания библиотеки, вот так пожмешь руку человеку, а он окажется вором.

Если это все-таки мистификация, то очень-очень странная. Принести в библиотеку книгу и поставить на полку – это одно. И совсем другое – устроить так, чтобы на не зарегистрированной книге появилась библиотечная метка системы RFID. Очень странная мистификация. Если...

Если это мистификация. А если нет – то что?

* * *

Вечер был безнадежно испорчен. Омлет получился пережаренным – есть его можно было, но только потому, что готовить другой не было никакого желания. Как и выходить из дома – к вечеру на Фарго упала обычная июльская духота. Хьюго налил себе и выпил полстакана сухого «Кьянти», после чего у него обычно мозги прочищались так, будто он тряпочкой протер все извилины, но на этот раз от вина заболела голова, и он, потерпев с четверть часа, завершил ужин парой таблеток аспирина.

О чем бы Хьюго ни думал, мысли вяло, но упорно, сворачивали на заезженную колею, и он в сотый раз раскладывал незамысловатый пасьянс. Первое: книга без выходных данных, отпечатанная на обычной бумаге. Второе: неизвестный язык. Третье: книга принадлежит библиотечному фонду (имеется метка RFID) и не принадлежит ему (не занесена в каталоги). Четвертое...

Четвертым элементом пазла, без сомнения, была черноволосая черноглазая девушка, которая и привлекла внимание Хьюго к книге. Она выглядела такой непосредственной и, как он, удивленной, что Хьюго не подумал... нет, подумал, конечно, сразу же и подумал, но отогнал эту мысль и больше к ней не возвращался... да, не подумал о том, что она сама и принесла книгу, а потом сделала вид...

Как она поставила метку? Зашла к миссис Кауфман, отвлекла внимание? Чушь. Откуда посетительница могла знать, где расположена комната, в которой на книги ставятся библиотечные метки? Откуда было ей знать, как отвлечь миссис Кауфман, не любившую посторонних разговоров и посторонних людей в ее, как она выражалась, «лучезарной обители»?

Если только они не сговорились заранее... Хьюго попытался представить себе маленькую, но величественно-спокойную Дону Кауфман, библиотекаря с двадцатипятилетним стажем, сговорившуюся с какой-то девицей... о чем? Зачем?

Не было не только ответов, сами вопросы выглядели бессмысленными.

Но девушка с черными блестящими глазами как-то была к этой истории причастна. Она стояла с книгой в руке, когда Хьюго проходил мимо. Она ждала, что он к ней обратится. Ей было интересно, он точно видел. Почему же она ушла? Не осталась в читальном зале дожидаться, когда Хьюго вернется, чтобы задать новые вопросы.

А он собирался? Нет, он сказал «Спасибо, что привлекли мое внимание к этой книге», повернулся и пошел, а она смотрела ему вслед, да, смотрела... но все равно не стала дожидаться. Почему?

Хьюго включил ноутбук и в ожидании, пока система загрузится, попытался представить себе девушку – как она стояла с книгой в руке и пыталась читать или делала вид специально для него, не могла же она в самом деле понимать смысл значков. Брови у нее, кстати, тоже иссиня-черные. А платье светлое, по контрасту, с блеклыми цветами...

или это не цветы были? На что Хьюго не умел обращать внимание, так это на женскую одежду. Было ли на девушке платье или открытая кофточка с юбкой?

Теперь нужно ввести пароль... Хьюго вошел в библиотечную сеть GLNS, где с нынешнего утра барахталась и городская библиотека Фарго, прошел в знакомую ему «комнату» каталогов...

Хьюго не белую книгу искал, прекрасно понимая, что в каталоге этой книги (без автора, названия, предметной индексации!) быть не может. Он обратился к списочному каталогу читального зала, куда Инес (работавшая после обеда и до закрытия) заносила выданные для прочтения книги с указанием номера читательского билета.

Кто сегодня брал Барбару Картленд? Черноглазая девушка могла и не ходить с книгой в читальный зал, стояла у полки, прочитала пару абзацев из одного романа, пару – из другого, и ушла. Можно ее вычислить и в этом случае, у девушки есть читательский билет, предъявленный на входе. Да, обнаружить можно, но придется просмотреть сотни фиксаций – сколько сегодня было посетителей в читальном зале? В среднем ежедневно библиотеку посещали триста-триста пятьдесят человек, в дни сессии в университете – до восьмисот, летом число посетителей уменьшалось до ста-ста пятидесяти. Сегодня, скорее всего, столько и было.

Пожалуй, все билеты смотреть не придется. В четырнадцать двадцать три роман Барбары Картленд «Выше звезд» взяла некая Мария Барбьери и сдала сорок две минуты спустя. Мария – красивое имя, и девушке очень подходит. Барбьери. Действительно, итальянка? Хьюго вызвал на экран файл читательского билета, странно при этом себя ощущая, будто занимался недозволенным, двусмысленным, этически недопустимым, хотя процедура эта была более чем легитимна, в его обязанности входило время от времени производить аналитический обзор читательских предпочтений, вести статистику социальных срезов, а для этого он имел право (и пользовался им каждодневно) отбирать сведения, зафиксированные в читательских билетах. Там и не могло быть ничего сугубо личного. Имя, фамилия. Место и год рождения. Милан, 1985. Молодая. Впрочем, это с его точки зрения. Сама-то Мария наверняка считает себя старушкой – четверть века, а еще не замужем, в графе «семейное положение» крестик стоит у цифры 0. И не была замужем, иначе крестиком отмечена была бы цифра 3, обозначающая на человеческом языке «разведена». Как он, к примеру.

Приехала из Италии месяц назад, чтобы делать постдокторат на тему «Видоизменения религиозных воззрений индейцев сиу (дакота) в последней четверти XX века». Специальность – история религий.

Если судить по картам, вокруг Фарго расположены десятки индейских резерваций, а всего их в Северной Дакоте двести восемьдесят три. В Союзе исследования индейцев (IPS) любили точность, но что представляли собой так называемые резервации и так называемые индейцы, многие из которых и языка своего не знали, работали в Фарго на стройках или по уходу за больными и престарелыми, в общем, делали то, что в действительно больших городах приходится на долю иностранных рабочих? С одним индейцем сиу – Бредом Кэпотом – Хьюго был хорошо знаком: хороший парень, высокий, действительно краснокожий, с этим у него все было в порядке, к его крови за много лет не прибавилось, кажется, ни одной «лишней» капли, а имя он сменил себе сам. Было у Бреда и родовое имя, которое он называл, если его очень об этом просили. Переводилось оно как «Орел, летящий над гнездом ласточки», и запомнить, как это звучит на языке сиу, Хьюго не мог – правда, не очень-то и старался. Бред приходил в библиотеку читать своего любимого Росса Макдональда – и, кстати, терпеть не мог Майн Рида и Купера. Не потому, что они ошибались, описывая обычаи индейцев. Не нравилось ему, как классики описывали природу. Не так ее видел Бред, совсем не так. И леса не такие, и озера. Однажды Бред прочитал Хьюго лекцию о том, как выглядит лес за рекой Нерой, и Хьюго поразился эмоциональной насыщенности описания, способности Кэпота скорее не

словами, а жестами и интонацией передавать малейшие оттенки собственных впечатлений.

Интересно – что знал Бред о религиозных воззрениях своего племени? Смог бы он помочь итальянке в ее изысканиях? Хьюго не говорил с Кэпотом о религии и понятия не имел, верил ли Бред хоть в какого-нибудь бога. Статистика утверждала, что сию в подавляющем большинстве приняли христианство, и многие усердно посещали местные англиканские храмы.

Адрес... Номер телефона. Телефон был указан только мобильный, значит, синьорина Барбьери снимает квартиру в не очень дорогом районе. Это и по адресу видно: Ночер-плаза. Там, кстати, находится комплекс университетских общежитий.

Хьюго закрыл файл, вышел из системы и пожалел о том, что не отсканировал хотя бы одну страницу из белой книги. Хотел заняться этим дома, но вот ведь как получилось. Был бы скан, он сейчас смог бы сравнить узор книжной пиктограммы с картинками из интернета – сейчас, когда библиотека Фарго подсоединена к мировой системе, нет проблемы найти нужную информацию. Можно было бы послать картинку Бобу Ходжсону, старому приятелю, работавшему в Библиотеке Конгресса.

Отложим на завтра. Хьюго легко справился с желанием позвонить синьорине Барбьери и спросить, понравилось ли ей «Выше звезд». Глаза сами собой закрывались, и Хьюго очень быстро уснул под бормотание телевизионного комментатора. Проснулся он поздно ночью и, ничего толком не соображая, выключил телевизор и свет, стянул с себя пропотевшую майку и на этот раз заснул по-настоящему.

* * *

Утро началось неудачно. Во-первых, Хьюго опоздал на пятнадцать минут, и не из-за пробок, которых сегодня не было по всей длине улицы Меншоу, а по более банальной причине: проспал. Во-вторых, когда Хьюго проводил своей карточкой по часам-идентификатору, его окликнул Базз Хостер, охранник, работавший в утреннюю смену, и сказал, что по поводу вчерашней книги («кстати, что за книга, мистер Мюллер, я толком и не знаю о случившемся») Хьюго хочет видеть директор библиотеки Элизабет Аллен. Миссис Аллен была назначена три месяца назад, с прежним директором, Тимом Бирксом, у Хьюго были замечательные отношения, между ними ни разу не возникло не то чтобы конфликтной ситуации, но даже мелких производственных трений. Все нововведения, которые предлагал Хьюго в системе обслуживания читателей, Биркс принимал без возражений и сразу отдавал распоряжения сделать так, как рекомендовал руководитель исследовательского отдела. В апреле Биркс уехал в Финикс – прошел по конкурсу на должность директора в крупнейшей библиотеке Аризоны, и вместо него пришла миссис Аллен, женщина крупных габаритов и постбальзаковского возраста, жена профессора Аллена, ректора университета и председателя попечительского совета городской библиотеки. Прежде она работала в библиотеке университета, небольшой и даже среди студентов не очень популярной. В общем, понятно. О миссис Аллен говорили, что она неплохо разбирается в американской литературе XX века, а в остальном представляет собой пустое место.

С дурным предчувствием Хьюго поднялся на второй этаж и прошел в конец коридора, где дверь кабинета была распахнута настежь, и изнутри доносился громкий высокий голос неприятного тембра. Говорила миссис Аллен невнятно, видимо, по телефону, прикрыв трубку ладонью. Хьюго постучал по торцу двери, голос прервался и, после секундной паузы, директриса сказала начальственным тоном: «Войдите!».

Хьюго вошел и увидел белую книгу, лежавшую в центре директорского стола между плоским экраном компьютера (слева) и вазой (справа), похожей на китайскую, в которой стояли три огромные лилии.

– Садитесь, Эйч-Эм, – предложила миссис Аллен. – Что за странная история с этой книгой?

Хьюго рассказал. Он не старался придать истории таинственность, но и изображать случившееся, как очевидную мистификацию, тоже не собирался.

– И вы решили вынести книгу из библиотеки? – неодобрительно заключила миссис Аллен, глядя не на Хьюго, а куда-то левее его головы. Там, у дальней стены, стоял плазменный телевизор с экраном в сорок два дюйма. Какая сейчас шла передача? Звук, естественно, был выключен, но по выражению не столько лица, сколько взгляда директрисы, Хьюго заключил, что, скорее всего, показывали ее мужа, ректора университета, в фантастическом ролике о вручении ему Нобелевской премии по физике. Оборачиваться, чтобы проверить свое предположение, Хьюго, конечно, не стал, это было бы неприлично, как неприлично показалось ему и подвергать сомнению слова начальства, тем более, что фактически они соответствовали действительности.

– Да, – признал он и объяснил: – Я был уверен, что книга не библиотечная.

– Она действительно не библиотечная, – миссис Аллен с сожалением перевела взгляд – и опять не на Хьюго, теперь куда-то вправо, где стояла у окна большая кадка с фикусом. – К сожалению, миссис Кауфман не смогла дать объяснения, каким образом книга, не зарегистрированная в каталоге, оказалась помечена нашим кодом.

Значит, с утра директриса уже успела провести небольшое расследование?

Поскольку не было задано вопроса, то и ответа от Хьюго миссис Аллен не дождалась, хотя посмотрела, наконец-то, мистеру Мюллеру в глаза взглядом, как она, видимо, считала, способным вызвать раскаяние даже у закоренелого убийцы.

– Так что вы обо всем этом думаете?

– Я думаю, – сказал он равнодушно, будто белая книга интересовала его так же, как судьба списанных в конце прошлого года никому не нужных микрофильмов, – это чья-то шутка. Вы знаете, – добавил он, увидев в глазах директрисы активную поддержку этой нелепой версии, – студенты и не на такое способны. Особенно сейчас, когда сессия позади, и хочется отмочить что-то экстравагантное...

– Скорее всего, – согласилась директриса. – Вы полагаете, это не может оказаться раритетом?

– Нет, – уверенно произнес Хьюго. – Бумага обыкновенная, печать тоже, ясно, что это симуляция. RFID-код... Ну, при помощи современных технологий можно имитировать и радиометку. Метка, кстати, не прощупывается – явно из самых последних моделей. Мы заказали такие и получим в конце августа первую партию.

– Я в курсе, – энергично кивнула миссис Аллен. – Но если кто-то смог имитировать код, он может и избавиться от кода на библиотечной книге? Вынести книгу, и охрана не заметит?

– Это исключено, – покачал головой Хьюго. – Для деактивации метки нужна достаточно сложная аппаратура. Принести аппаратуру с собой в библиотеку, да так, что охрана не обратит внимания...

Хьюго пожал плечами, показывая, что обсуждать подобную возможность не имеет смысла.

– Хорошо, – директриса окончательно вернула себе ощущение внутреннего равновесия и смотрела теперь поверх головы Хьюго на часы, висевшие над дверью. – Будем считать инцидент исчерпанным. Скажите Баззу, что я разрешила снять с книги RFID-код. Книга не наша, делайте с ней, что хотите. Шутка, конечно, неумная, в этом я с вами полностью согласна.

Хьюго не помнил, чтобы он назвал шутку неумной, но спорить не стал. Разговор, судя по всему, был окончен.

Хьюго вышел в коридор с книгой под мышкой и ощущением, что закончился важный этап в его жизни. Мысль, пришедшая ему в голову, когда он слушал наставления миссис Аллен, казалась совершенно фантастической, совершенно естественной и настолько увлекательной, что Хьюго поспешил к себе, чтобы немедленно, отставив прочие дела, заняться проверкой – если получится – странной и возбуждающей воображение гипотезы.

На первый этаж он спустился по боковой лестнице, чтобы не проходить через читальный зал. Зашел в закуток к Баззу, где охранник сидел, повесив на спинку стула пиджак и расстегнув ворот рубашки. Жары еще не было, Базз любил, когда по комнате гулял относительно прохладный утренний ветерок – часа через два, когда начнет парить, он, конечно, закроет окна и включит кондиционер, но пока это возможно, человек должен наслаждаться природным, а не искусственным воздухом. Таким было жизненное кредо Базза Хостера, и Хьюго порадовал охранника информацией о том, что английские ученые недавно обнаружили, будто кондиционированный воздух дурно влияет на умственные способности, в то время, как естественный эти способности возбуждает, что и показали эксперименты над тремя сотнями добровольцев, половина которых решала задачи, сидя под кондиционером, а другая, контрольная, – на природе.

– Я всегда это знал, Эйч-Эм, – прогудел Базз. – Вам хуже, в вашей комнате даже окна нет, дышать нечем.

«И незачем», – хотел сказать Хьюго, но поостерегся вступать в ненужную дискуссию.

– Вот, – сказал он, положив книгу перед охранником, – миссис Аллен приказала снять код, поскольку книга не библиотечная.

– Да, я знаю, – рассеянно произнес Базз и небрежно сунул книгу под луч аппарата. Должен был, по идее, послышаться короткий гудок, означавший, что операция прошла успешно, но сигнала не последовало.

– Наверно, кто-то уже... – не договорив, Хостер провел корешком книги над считывающим устройством. Звонок сообщил о том, что RFID-код деактивирован не был. Базз бросил взгляд на экран компьютера, а Хьюго и смотреть не стал – он знал, что вместо вызванной кодом информации о книге (автор, название, год выпуска, издательство, группа, местонахождение на полке, кому выдана в последний раз) не появилось ничего, кроме, возможно, сообщения о том, что «информация не считывается».

– Хм... – прогудел Базз. – Наверно, Дона ошиблась, когда записывала книгу в каталог.

Хьюго не стал объяснять, что Доната не могла ошибиться, поскольку никогда, скорее всего, не держала книгу в руках и в каталог ее не записывала: как она могла это сделать, если у книги не было ни названия, ни автора, никаких иных идентификационных данных?

– Что-то с RFID-кодом, – прокомментировал Хостер очевидное. – Сообщить миссис Аллен?

– Не стоит, Базз, – торопливо сказал Хьюго. – Это не библиотечная книга. Метка поставлена по ошибке. Миссис Аллен приказала метку уничтожить, но если не получается...

– Забирайте, – сказал Хостер, – и если захотите взять себе, то выносите через склад.

– Конечно, – согласился Хьюго.

* * *

Хьюго отсканировал несколько страниц наугад – из начала книги, середины и конца (если он правильно понимал, где у книги начало), – написал письмо с просьбой определить, на каком языке написан прилагаемый текст, и разослал послание с прикрепленными файлами в двадцать шесть адресов из списка ученых, работавших в университетах Соединенных Штатов, Британии, Франции, Швейцарии и Канады. Он не ожидал, что ответы начнут поступать раньше следующей недели, и не очень понимал, что может сделать с книгой сейчас, кроме как разглядывать значки, пытаясь понять их смысл, если в значках хоть какой-то смысл действительно существовал.

Идея, пришедшая в голову вчера вечером, укреплялась в сознании Хьюго, хотя он отлично понимал ее зыбкость, необязательность и недоказуемость. Тем не менее, он был почти уверен... нет, уверен на все сто – так, как можно быть уверенным в том, что дважды два – четыре...

И еще он почему-то был уверен, что, если сейчас – именно сейчас, а не полчаса назад и не через несколько минут – выйдет в читальный зал, то непременно встретит там

черноволосую девушку по имени Мария Барбьери, которой хотел задать несколько вопросов, никак, впрочем, не связанных с книгой, обнаруженной на полке с сочинениями Барбары Картленд.

Хьюго не считал себя человеком, подверженным импульсивным поступкам и склонным к предчувствиям, но сейчас у него не возникло сомнений. Он положил книгу, как и вчера, в верхний ящик стола, запер дверь, чего обычно не делал, и пошел в зал, где, конечно же, сразу увидел синьорину Барбьери, сидевшую за первым столом у окна, державшую в руках книгу, но смотревшую, тем не менее, не на строчки текста, а в ту сторону, откуда вошел Хьюго – будто ждала его появления. Когда их взгляды встретились, девушка улыбнулась, кивнула и поднялась навстречу.

– Доброе утро, – сказала синьорина Барбьери, протягивая руки для пожатия.

– Доброе утро, мисс Барбьери, – сказал Хьюго, пожимая протянутые ему тонкие пальцы.

И оба смутились.

– Я нашел ваше имя в библиотечной карте, – объяснил Хьюго.

– Я хотела спросить... – начала девушка, но Хьюго не дал ей договорить.

– Я тоже хочу побеседовать с вами о книге, – сказал он. – Пойдемте в мой кабинет, там никто не помешает разговору.

– А это не...

– Все в порядке, – улыбнулся он, вызвав ответную улыбку, которую смог бы описать разве только популярной цитатой из романа Барбары Картленд, например, из того, что остался лежать на столе в читальном зале.

– У вас даже окна нет, – констатировала синьорина Барбьери, переступив порог кабинета.

– Зато ничто не отвлекает. Кондиционер включен, и микроклимат у меня такой, какой я хочу. Немного прохладнее, чем любят многие, но мне нравится такая температура. Если хотите, я сделаю теплее.

– Нет-нет, – сказала синьорина Барбьери, – я тоже люблю прохладу. А где...

– Садитесь сюда, – Хьюго усадил девушку за стол, на свое рабочее место, придвинул стоявший в углу пластиковый стул и, прежде чем сесть, вытащил книгу из ящика.

– Я хотел бы, – начал он со стеснением в голосе, – спросить вас... Только не обижайтесь, если вопрос покажется вам...

– Да-да, – рассеянно произнесла синьорина Барбьери, перелистывая страницы, – спрашивайте.

– Вы точно никогда раньше не видели и не держали в руках эту книгу? – выпалил Хьюго.

– Никогда, – спокойно сказала синьорина Барбьери. – И вы знаете об этом так же хорошо, как я.

– Откуда... – начал Хьюго и замолчал, потому что девушка была права: он точно знал, что она никогда не видела эту книгу, прежде чем сняла ее с полки в библиотеке.

– Извините, – пробормотал он, – я должен был спросить, потому что...

– Чтобы все было ясно, – кивнула синьорина Барбьери и посмотрела Хьюго в глаза. Все стало ясно между ними, и Хьюго сказал:

– Получается странная вещь. В одиннадцать часов книги на полке не было. В это время Эмма, вы ее видели, обходит полки с художественной прозой и проверяет, не упала ли какая-нибудь книга на пол... в общем, наводит порядок. Если бы эта книга стояла на полке, то... она так выделяется белым корешком без названия, что Эмма должна была заметить. Вы пришли...

– Сразу после обеда, примерно в половине третьего. Направилась к полке, чтобы взять «Выше звезд»...

– И сразу обратили внимание?

– Конечно.

– Значит, кто-то поставил книгу на полку между одиннадцатью часами и половиной третьего.

– Разве в библиотеке нет камер слежения? – удивилась девушка. – Я видела одну в холле.

– Верно, – кивнул Хьюго. – Это на случай, если кто-то захочет вынести... и еще есть две камеры в отделе редких книг, в торце читального зала, там дверь...

– Я видела, – кивнула синьорина Барбьери. – А в читальном зале...

– Нет. Отсутствует повод, понимаете... Свободный доступ. Любую книгу можно взять с полки, можно зарегистрировать у библиографа – на случай, если захотите книгу отложить, – а можно просто посидеть, почитать.

– Понимаю, – протянула синьорина Барбьери. – Значит, если кто-то захочет не украсть книгу, а наоборот, принести свою, то система...

– С этой книгой такой номер не прошел бы. На ней радиометка библиотеки. Если бы кто-нибудь принес ее и попытался войти в зал из холла, начался бы трезвон.

– Значит, – заключила Мария, – кто-то принес книгу без метки и уже здесь...

– Не получится! Книги сначала заносят в компьютер, потом ставят метку. У этой книги есть метка, но нет номера по каталогу, она не зарегистрирована.

– То есть...

– Никто это книгу не приносил, – отрезал Хьюго.

– Но не могла же она...

Они посмотрели друг другу в глаза и одновременно пожали плечами.

– Странно, правда? – сказала синьорина Барбьери.

– Вам, наверно, здесь очень скучно? – спросил Хьюго и удивился своему вопросу. – По сравнению с Миланом наш Фарго – безнадежная провинция...

Синьорина Барбьери будто ждала такого вопроса – ответила сразу, не задумавшись ни на секунду.

– О, нет! Мне здесь замечательно! Почти каждый день езжу по резервациям, их так много, до ближайшей всего полчаса езды автобусом!

– Парагнель? – уточнил Хьюго. – Не знаю... По-моему, от прежнего индейского духа не осталось ничего, кроме национальных костюмов, пошитых у Бекберна на фабрике.

– Да-да, я все это знаю, конечно. Но мне не нужен специфический индейский дух, все эти трубки мира и разрисованные физиономии. Я – историк религий, изучаю верования, обычаи – не те, что были когда-то, во времена первых колонистов или раньше, а нынешние. Я исследую, как менялись религиозные представления индейцев сиу, как христианство проникало в мир их духовности, сейчас это такая уникальная смесь... Индейцы, в основном, христиане, вы, конечно, знаете...

Хьюго кивнул, с удовольствием наблюдая, как, рассказывая, синьорина Барбьери повышала голос, начала жестикулировать, помогая жестами в тех случаях, когда ей казалось, что произнесенная фраза недостаточно эмоциональна.

– Я говорила с мистером Пидвиком, это настоятель церкви святого Иеремии.

– О, – улыбнулся Хьюго, – мы с ним знакомы. Обаятельный старик, верно? Знаете, синьорина Барбьери...

– Мария. Зовите меня по имени, а я могу вас звать... как?

– Хьюго. Это немецкое имя... я вижу, вам оно показалось странным.

– Вовсе нет.

– Мои предки – выходцы из Баварии. В Фарго много немцев. И шведов. Население у нас довольно странное для Штатов – почти нет англосаксов, это не Вашингтон или Филадельфия. И афроамериканцев вы почти не встретите.

– Ваш охранник...

– Метью. Кстати, он не афроамериканец, если говорить этнически. Он приехал лет пятнадцать назад из Конго, отец его там довольно известная личность, денег у него много, и он послал сына учиться в Штаты, а тот выбрал Фарго – ткнул, говорит, пальцем в карту,

которая висела у отца на стене в его офисе в Конго-сити. Приехал, проучился на историческом полтора семестра, решил, что история его совершенно не интересует, и бросил. Домой, в Конго, не поехал – у него тут случился роман с... Неважно. В общем, он остался, год назад получил гражданство, работой доволен... я так думаю.

– В Америке, наверно, много таких, как Метью. Это не настоящее имя?

– Я знаю его, как Метью. Но, наверно, вы правы, Мария, в Конго детей так не называют.

– В Конго так детей не называют, – медленно, пробуя слова на вкус, повторила Мария, и фраза в ее исполнении прозвучала на гораздо более чистом английском, чем у Хьюго, хотя сказано было то же самое. Удивительный эффект, подумал Хьюго, так бы и слушал...

– У меня ощущение, – продолжала Мария, – что мы оба старательно говорим о чем угодно, только бы не сказать то, что каждый из нас считает важным, но слишком фантастическим, чтобы произнести вслух. Да?

– Да.

Это было правдой. Марии он мог сказать. Она не станет смеяться. Возможно, даже примет его идею всерьез.

Он взял книгу в руки, и она показалась ему вдвое тяжелее, чем была на самом деле. Если идеи обладают массой, то, поняв суть, ты делаешь предмет тяжелее. Глупая мысль, конечно, но если судить по ощущениям...

– Знаете, Мария, – сказал он, раскрыв книгу на середине и переводя взгляд с одного значка на другой, – я еще много лет назад...

– Много лет назад... – повторила Мария, улыбнувшись, он понял ее улыбку и сказал:

– Ну... шесть-семь, если быть точным... я учился в Гарварде...

– О! Вы окончили Гарвард?

– Представьте. И похоронил себя в этой дыре. Долгая история. И не интересная.

– Вы мне расскажете! – воскликнула Мария и прикрыла рот ладонью.

– Простите, – сказала она. – Это не мое дело, конечно.

– Я расскажу, – кивнул Хьюго. Ему действительно захотелось рассказать о себе все, но не сейчас. Они пойдут куда-нибудь... к Шерпу лучше всего... закажут по порции мяса, и он...

– Я расскажу, – повторил Хьюго, – потом. А сейчас хочу сказать, что еще в университете думал о книгах, о том, как возникают идеи, замыслы, мне было не интересно представлять, как в мозге взаимодействуют аксоны и синапсы, или что там еще... нейроны. Мне нравилось думать, что новые идеи подобны живым существам. Зарождение идей – будто зарождение жизни на Земле. Когда неживая клетка становится достаточно сложной, эволюция приводит к новому качеству – возникает жизнь.

– Возникает жизнь, – повторила Мария, и Хьюго послышалось в ее словах осуждение.

– Так и в мире идей, слов, в общем, того, что называют информацией, – когда ее становится очень много, наступает некий предел, и – как в мире биологических систем – может возникнуть новое качество: идеи, знания начинают воспроизводить себя самопроизвольно. Я, наверно, не очень понятно...

– Говорите, – тихо сказала Мария и сделала жест, который Хьюго, скорее всего, понял неправильно: подняла руку и хотела коснуться его ладони, но в последний момент... И все равно Хьюго показалось, что между пальцами пробежали тоненькие, как нити, огоньки святого Эльма. Должно быть, что-то отразилось в его лице, потому что Мария все-таки коснулась его ладони тонкими пальцами.

– Вам, наверно, не интересно, – пробормотал Хьюго.

– Говорите, – требовательно сказала Мария.

– Как-то я рассказал о своих соображениях знакомому студенту-биологу, и он... в общем, мы поспорили, и я понял, в чем ошибался. И вот – эта книга. Ее никто не приносил в библиотеку, я в этом уверен. Она просто возникла на полке. Не знаю, удалось бы увидеть этот момент, если бы в зале стояли камеры слежения.

– Чудо? Магия?

– Нет! Вы знаете, что произошло вчера утром? Наша библиотека подключилась к мировой библиотечной сети GLNS, стали доступны сразу миллиарды книг, журналов, рукописей – в электронном виде, конечно. Тогда и появилась эта книга.

– Бумажная, – напомнила Мария. – На обычной бумаге. С библиотечным кодом.

– Вот именно! С кодом, который никто не ставил и от которого невозможно избавиться!

– Но как...

– Господи, Мария, откуда я знаю? Это... Послушайте, – сказал Хьюго спокойно, – у вас есть другое предположение?

– Да, – кивнула Мария. – На каждой странице равное число знаков, видите? На странице девятнадцать строк, в каждой строке двадцать девять символов.

– Вы считали?

– Я люблю считать, – пояснила Мария. – Само собой получается. Иду и считаю деревья, высаженные вдоль улицы. Вхожу в зал и сразу обращаю внимание – сколько рядов, сколько мест в каждом ряду. Специально не считаю, я не маньячка, вы так сейчас на меня посмотрели... Но мозг сам оценивает. Сколько окон, например, в фасаде дома, мимо которого я прохожу... Я всегда это знаю, достаточно бросить взгляд.

– Наверно, это как-то называется... – начал Хьюго и замолчал. Не очень умно с его стороны – спрашивать, как психиатры называют такой синдром. У каждого в голове тараканы, у Джорди были свои – она не могла видеть немытой тарелки или пепельницы, в которой лежал окурок, – хоть один, пусть маленький. Нужно было сразу выбрасывать и мыть. Из-за этого Хьюго в свое время бросил курить, ну что это, в самом деле – не дай Бог бросить окурок в блюдце или на картонную подставку от пива.

Может, потому они с Джорди и развелись, что... Нет, конечно, хотя и это тоже сыграло свою роль.

– Это называется обсессивный синдром, – спокойно сказала Мария. – На самом деле я не считаю все подряд, так что не думайте, что я уже пересчитала пуговицы на вашей одежде.

– Я не...

– Хотя могу сказать, что их семнадцать, – с улыбкой закончила фразу Мария. – Число в мозгу само собой возникает, понимаете?

– Да, – кивнул Хьюго. – То есть, нет. Неважно. Вы говорили о книге.

– Девятнадцать строк и двадцать девять знаков в строке. Это сколько получается? Не смейтесь, Хьюго, с таблицей умножения у меня проблемы.

– Что вы, Мария, я не смеюсь, я тоже не умножу в уме!

Он вытянул из кармана телефон и нажал нужные клавиши. Быстрее было бы посчитать на калькуляторе, лежавшем в нижнем ящике, но пока достанешь...

– Пятьсот пятьдесят один, – сообщил Хьюго. – Ну и что?

– Сколько в книге страниц?

– Не знаю... – растерялся Хьюго. Что-то около пятисот пятидесяти, он считал, но наверняка сбился. – Пересчитать?

– Да, пожалуйста, – кивнула Мария и немного отодвинулась, чтобы не мешать Хьюго листать страницы.

Одна, две, двадцать, пятьдесят, сто... Легко ошибиться, когда на тебя смотрят черные глаза, в которых... Он не хотел знать – пока не хотел, – что скрывалось в глазах девушки. Триста двадцать... Четыреста пятьдесят...

– Пятьсот пятьдесят три, – сказал Хьюго.

Мария взяла книгу из его рук, открыла на последней странице.

– Здесь еще три полные строчки и пятнадцать знаков на неоконченной.

– Хотите, я подсчитаю?

– Да, – нетерпеливо произнесла Мария. – Мне кажется, я знаю результат, но вы перемножьте.

Почему-то Хьюго был уверен, что Мария действительно знает, сколько в книге знаков. Если она интуитивно...

– Триста четыре тысячи восемьсот пять, – сказал он. – Не так много, вообще-то. Примерно семь с половиной листов. Небольшой роман. А книжка толстая... Мария, что с вами?

Девушка сидела, закрыв глаза и шевеля губами. Пальцы она сцепила так, что побелели костяшки. Хьюго подумал, что Мария молится, он услышал что-то похожее на «Libera me Domini...». Наверно. Почему бы ей не быть набожной, она итальянка, они все католики, но почему Мария именно сейчас решила читать молитву?

– Это... потрясающе, – сказала девушка, открыв глаза и сразу переменившись.

Хьюго молча ждал.

– Я специалист по истории религий, – будто извиняясь, произнесла Мария. – Сама католичка, мы с мамой ходим... ходили в церковь каждое воскресенье, когда мама была жива. Сейчас я редко... как-то так получается... разве что на концерты в Миланском соборе, я там слушала Реквием Верди, это было в последнем году прошлого тысячелетия.

– Девятьсот девяносто девятым?

– Нет, – Мария бросила на Хьюго недовольный взгляд. – В двухтысячном, конечно. Я не принадлежу к тем гуманитариям, которые уверены, что нули в конце числа означают новое тысячелетие.

– Простите, я не...

– Неважно. Пел Паваротти, дирижировал Аббадо, а других солистов я не помню. Это было... Простите, Хью, я только хотела сказать, что...

– Я понял.

– Нет, – упрямо произнесла Мария. – Вы знаете, сколько знаков в Моисеевом Пятикнижии? В оригинальном тексте, который евреи называют Торой? Это число никогда не менялось. Когда переписывают Тору, не ошибаются ни в едином знаке, иначе текст теряет сакральность. Если есть свои константы не только в физике, но и в теологии, то это число – одно из немногих. Наряду с шестью днями Творения и десятью заповедями.

– Вы хотите сказать, Мария, что в Пятикнижии триста четыре тысячи восемьсот пять знаков?

– Проверьте, – кивнула Мария. – Это легко сделать, наберите в Гугле...

Хьюго был уверен, что Мария не ошиблась. Через минуту он в этом убедился.

– И еще здесь написано, – прочитал Хьюго с экрана, – что, если учитывать пробелы, то в Моисеевом Пятикнижии шестьсот тысяч знаков – столько душ составлял народ Израиля, когда евреи вышли из Египта. В нашей книге пробелов нет, и... Мария, вы говорили, что в тексте нет ни одного повторяющегося знака. Это тоже довольно легко проверить, хотя придется потратить несколько часов. Вы не торопитесь? – вопрос он задал небрежно, но по осязательному напряжению в голосе легко было понять, как важно Хьюго услышать положительный ответ.

– Вообще-то, – поморщилась Мария, – у меня в два часа встреча с... одним студентом. У него «хвост» по истории религии, и мы договорились, что я с ним позанимаюсь. Но я могу позвонить и отменить. Хотя...

– Хотя лишние деньги вам не помешают, – догадался Хьюго. Почему-то ему было неприятно не столько то, что Марии приходится думать о дополнительном заработке, сколько то, что клиентом был некий студент, который наверняка будет не только слушать объяснения, но и смотреть... и слушать, конечно, тоже – голос, тембр, интонации...

– Собственно, – сказал он, злясь на себя, – вы мне здесь не очень-то и нужны. Отправляйтесь к своему студенту, а я тем временем устанавливаю программу сравнения изображений – она у меня есть на диске, но пользоваться ни разу не приходилось, – и попробую до вашего возвращения получить хоть какую-то информацию.

Уходить Марии не хотелось, не такие уж большие деньги она зарабатывала на репетиторстве, чтобы держаться за каждый урок, но равнодушный, как ей показалось, тон Хьюго ее немного уязвил.

– Хорошо, – сказала она, поднимаясь. – У вас есть номер моего мобильного? Вы ведь видели мою библиотечную карточку.

– Я не собирался... – смутился Хьюго.

– Значит, номер вы знаете, – заключила Мария. – Если получится что-то интересное – звоните. После четырех, пожалуйста.

* * *

Из разосланных вчера писем вернулись с ответами три: от профессора Ричарда Монтенегро (университет штата Алабама), доктора Присциллы Винтер (институт изучения древних языков, Колумбийский университет) и доктора Хозе Касадоса (музей истории Каталонии, Барселона). Все трое утверждали, что пиктограммы, присланные Хьюго, не имеют отношения ни к одному известному им древнему языку, а к современным – подавно. Скорее всего, это чья-то придумка (возможно, даже ФБР или иной подобной структуры) с целью шифровки информации или, что более вероятно, абстрактные изображения. Современные художники любят ребусы, поглядите, сэр, какая картина была выставлена прошлой осенью в Музее Ван Гога в Амстердаме. Фотографию прислала миссис Винтер – что-то отдаленно общее действительно было у фантазии художника Криспена со значками из книги. Однако, не Криспен, конечно, устроил мистификацию в библиотеке города Фарго, Северная Дакота, Соединенные Штаты.

Других ответов Хьюго не ждал. Странно – он никогда не был так убежден в том, что прав. Самое уникальное издание в истории. Книга, возникшая ниоткуда. Шекспир прав, утверждая, что «из ничего и выйдет ничего». Появилась книга потому, что информация в сети GLNS достигла критического предела и начала, как когда-то жизнь, воспроизводить сама себя. Нелепо, в принципе. Информация не материальна. Как из знания о чем-то, пусть даже этого знания невообразимо много, могла возникнуть материальная книга: обычная бумага, типографская краска и клей, применяемый в переплетных работах? Стандартная по всем параметрам книга – кроме одной особенности: она содержит текст (значки? пиктограммы?), не соответствующий ни одному известному языку.

Хьюго закончил сканировать все страницы, включил программу сравнения изображений и только тогда почувствовал голод. Третий час – уже и обед прошел, а он не заметил. Вот еще странность – за весь день никто ему не помешал делать то, что он считал нужным. Обычно к нему заглядывали то Дона, то кто-нибудь из библиотекарей – за консультацией, или нужно было найти какие-то места в текстах книг, а он это умел делать лучше прочих, или, бывало, тот же Метью или кто-нибудь еще из охранников заглянет – перекинуться словом, пересказать новости.

Хьюго спустился в кафетерий, расположившийся в полуподвальной части здания, взял пару сэндвичей и кофе и вернулся к себе, съев по дороге половину сэндвича и выпив почти весь стаканчик. На экране, как он и ожидал, красовалась в центре одинокая цифра «0», число просмотренных знаков достигло двухсот тридцати тысяч, не так уж много оставалось до конца, Хьюго прикинул – через полчаса он будет знать точно. Будет знать то, в чем Мария и прежде была уверена.

Самая странная книга из всех, какие он когда-нибудь держал в руках. И самая обычная. находка для любого библиофила. Уникальная ценность. Какова вероятность того, что число пиктограмм в книге случайно совпало с числом букв в Пятикнижии? Какова вероятность, что кто-то случайно принес с собой и оставил на полке книгу, содержащую, к тому же, уникальный RFID-код, никогда и никем не нанесенный? Нуль – вот какова вероятность того, что все это произошло случайно.

Пластиковый стаканчик Хьюго выбросил в мусорную корзину, неплохо бы взять еще кофе, но до окончания работы программы сравнения оставалось совсем немного времени,

и он решил потерпеть. Терпеть пришлось почему-то дольше, чем он рассчитывал. Когда уже все знаки, если верить счетчику, оказались просмотрены, программа минут пять не выдавала окончательного результата, хотя он был ясен – в центре экрана по-прежнему высвечивался большой ноль, но иконка «процесс завершен» долго не появлялась – что еще можно было сравнивать, Хьюго не знал. Может, сравнив основные линии и не найдя общего, программа принялась разбираться в тонкостях, не видимых невооруженным глазом? Хьюго протянул было руку, чтобы остановить практически законченный процесс, но программа сделала это, наконец, сама – иконка с нулем исчезла, и вместо нее появилась надпись: «Просмотр закончен. Одинаковых знаков не обнаружено».

Хьюго достал телефон и набрал номер Марии, поскольку часы на дисплее показывали начало пятого – надо же, как быстро прошел день. Дожидаюсь ответа (почему Мария так долго не отвечает?), Хьюго поглядел почту. Пришли еще четыре ответных письма: от профессора Хижняка из Московского университета (специалист по древнеславянской письменности), от доктора Морриса из университета в Детройте (языки народов Америки), от Кэмпбелла из музея «Метрополитен» (классный знаток Древнего Египта) и от Боба Ходжсона, старого приятеля, с которым Хьюго учился на одном курсе в Гарварде. Боб сделал более интересную карьеру, нежели Хьюго, – вот уже три года он работал в Библиотеке Конгресса в должности библиографа-консультанта, и хотя формально это была более низкая должность, чем у Хьюго, на самом деле – учитывая масштабы библиотек – Ходжсон руководил двумя десятками сотрудников и сам занимался не только библиотечными делами, но и научными исследованиями, правда, Хьюго не знал точно, в какой именно области. За три года они с Бобом однажды виделись на конференции в Филадельфии и пару раз случайно пересеклись в интернет-дискуссиях, так и не выяснив ничего о личных делах друг друга. Хьюго знал, что у Боба была девушка, но поженились ли они? Были ли у них дети? Надо будет спросить при случае.

– Хью? – голос Марии почему-то звучал, как показалось Хьюго, напряженно, будто она была не одна или не хотела говорить, и его настроение испортилось сразу и навсегда. – Я вас слушаю, есть что-нибудь новое?

– Да, – сказал Хьюго таким же напряженным голосом. – Вы были правы, Мария, среди пиктограмм нет одинаковых.

– Я же говорила...

Почему такой сухой голос?

– Извините, если я не вовремя.

– Господи, Хьюго, о чем вы! – воскликнула Мария. – Я говорю с вами и одновременно считаю до трехсот, вот уже и досчитала. У меня испортился таймер в микроволновке, надо отнести в починку, но все забываю. Вот и приходится считать в уме, чтобы не подгорело или не пережарилось.

– А что у вас...

– Пицца – что еще может приготовить себе на ужин простая итальянская девушка?

Хьюго рассмеялся.

– А я подумал... Послушайте, Мария, я тоже голоден и очень хочу настоящего кофе.

– Я думала, вы любите пиво.

– Потому что я из немцев? Ничего подобного, терпеть не могу. Так может, мы сходим, поужинаем?

– Конечно, – согласилась Мария. – И книгу захватите, хорошо?

– Э-э... – смутился Хьюго, вспомнив, что вопрос о том, как вынести книгу из библиотеки, пока не решился. – Хорошо. Давайте встретимся через час на углу Четырнадцатой авеню и Северного Бродвея.

– Договорились.

Он сказал «хорошо»? Значит, теперь точно придется последовать совету Базза и выйти через служебный ход – обычное дело для персонала, но почему-то так получилось, что Хьюго ни разу этим входом не пользовался, и сейчас ему казалось, что он собирается

сделать что-то предосудительное. Странно устроена человеческая психика – обычное для всех он считал неудобным для себя... почему?

В почте появились еще два ответных письма – одно из Австралии, другое из Японии, вот и противоположное полушарие подключилось. Видимо, там начался рабочий день, а здесь как раз заканчивается.

Разнообразием письма не отличались. «Нет такого языка». Отстучав всем общее «спасибо», Хьюго вернулся к единственному письму, отличавшемуся от остальных. Ходжсон написал коротко: «Позвони». И все. Номер телефона Хьюго нашел в информации о пользователе и подумал, что сейчас звонить, наверно, не стоит – на восточном побережье разгар вечера, Боб наверняка уже дома. Возможно, занят семейными делами.

Решив позвонить Бобу завтра утром, Хьюго аккуратно положил книгу в рюкзачок, выключил компьютер, запер кабинет и, почему-то нервно глядя по сторонам, направился в кафетерий, откуда вел на улицу служебный выход. Ему казалось, что Базз или его вечерний сменщик Метью непременно догонит его и остановит словами: «Почему вы, мистер Мюллер, нарушаете инструкции?».

Разумеется, никто его не остановил, и, оказавшись на улице, Хьюго окунулся в вечернюю городскую духоту. Марию он увидел, подъезжая к перекрестку, – она сидела на скамейке в окружении детских колясок и радостных мам, рассказывавших соседкам о том, какой замечательный у них ребенок.

– Боже, – воскликнула Мария, опускаясь на сиденье рядом с Хьюго, – я даже не подозревала, что у таких маленьких детей может быть столько талантов и столько болезней!

Хьюго рассмеялся.

– Вы не считаете талант болезнью? – спросил он, вырuling на Северный Бродвей и притормаживая у платной стоянки возле кафе «Сакаавиа».

– А вы считаете? – вопросом на вопрос ответила Мария: – Если болезнью считать любое отклонение от среднего значения...

– Не любое. Я читал, что существует распределение людей по способностям, математики называют его гауссовым, а биологи определили, что болезненным отклонением от нормы можно считать отклонение, равное трем стандартным. Не спрашивайте меня, что это означает.

– По-моему, – заявила Мария, выбираясь из машины, – все это чепуха, потому что никто толком не определил, где конкретно проходит граница между человеком способным и уже талантливым.

– Так ведь границу между здоровьем и болезнью тоже определить трудно, не так ли? – Хьюго пропустил Марию вперед и пошел следом к ярко освещенному входу в кафе. Столики были расставлены и на тротуаре, но Хьюго предпочитал кондиционированный воздух в помещении уличной духоте.

Свободных мест было немного, они сели у дальней стены – здесь можно было хоть как-то ощутить свою отделенность от общей суеты.

– Когда человек утверждает, что нечто возникает из ничего, – сказала Мария, сев так, чтобы видеть не зал, а только Хьюго, расположившегося напротив, – это норма или болезнь?

– Не знаю, – серьезно сказал Хьюго. – Сегодня я все время думал... Искал варианты. Кстати, я получил ответы почти от всех, кому посылал скан страницы.

– И все сказали, что такого языка нет?

– Вы этого ожидали?

– Вы – нет?

– Нет, не ожидал, – Хьюго отодвинулся от стола, чтобы подошедший официант смог поставить бокалы и кувшин с апельсиновым соком. Меню Хьюго раскрывать не стал, он

знал, что здесь нужно заказывать, и посоветовал Марии: – Попробуйте запеченную говядину, не пожалеете.

Мария покачала головой, перелистывая страницы.

– Мне овощной салат, – сказала она официанту, – и авокадо в соусе. И двойной кофе.

– Вы вегетарианка? – поинтересовался Хьюго, когда официант отошел.

– Все нет, – улыбнулась Мария. – Просто в такую жару... Не хочется. Дома я тоже летом почти не ела мяса, а мама меня пыталась накормить чем-нибудь калорийным...

– Расскажите о себе, – попросил Хьюго. – Вы жили в Милане, а я всю жизнь мечтал попасть в этот город.

– Увидеть собор, замок Сфорцеско, – подхватила Мария.

– Нет-нет, – запротестовал Хьюго. – Это, наверно, странно, но меня никогда не интересовал знаменитый собор, хотя свой путь по Милану я мечтал начать именно с этой площади. Но повернуться к собору спиной, пройти по галерее Наполеона, выйти к театру Ла Скала и долго стоять, разглядывая фасад и представляя, как к зданию подъезжают красивые экипажи, из них выходят мужчины во фраках и помогают выйти дамам в вечерних нарядах... И вместе с ними в театр входят Пуччини, Леонкавалло... Верди...

– Вы любите оперу? – спросила Мария и продолжала, не дожидаясь ответа: – А я была в Скала только раз – приезжал Большой театр из России и показывал балет Чайковского.

– Вы любите балет? – спросил Хьюго немного обескураженным тоном, не очень понимая, как можно, живя в Милане...

– Нет, – призналась Мария. – Меня повел приятель, он себе все ладони отбил, а я слушала музыку, закрыв глаза, потому что балерины мне мешали. Музыка очень люблю, но всегда слушаю одна, дома, закрыв глаза... Это болезнь, доктор?

– Что вы, – смутился Хьюго. – Если честно, то сейчас я тоже слушаю музыку именно так. Просто нет другой возможности. А почему вы занялись историей религий?

– А почему вы стали библиотекарем? Вспомните себя, когда вы принимали решение, и все поймете. Это не зависит от конкретной специальности. Просто что-то начинает шевелиться в душе, детские желания соединяются с взрослыми расчетами будущей карьеры.

Официант принес заказ, и разговор на время прервался. Хьюго пожалел, что не заказал вина, он почему-то подумал, что это лишнее, вино можно будет заказать потом, если... Что «если», он не очень понимал, возможно, никакого «если» не будет...

Они ели, то и дело поднимая глаза друг на друга, и едва заметно улыбались. Этого было достаточно для общения, и когда вилки были положены на тарелки, Хьюго, пожалуй, знал о Марии больше, чем она могла бы за то же время рассказать словами. Почему-то он был уверен, что она росла без отца, а мать у нее была женщиной властной, иначе нельзя, если растить ребенка одна, и нужно еще делами заниматься, наверняка Мария мечтала вырваться из-под материнской опеки... Господи, какие только фантазии приходят в голову.

– Я почему-то подумала, – сказала Мария, – что вы женились не по любви, а чтобы доказать себе, что... бывает так у юношей... кажется, что никому не нравишься, и женишься на первой же девушке, которая не смотрит на тебя презрительным взглядом.

– Так и было, – подтвердил Хьюго, не удивившись пронизательности Марии. – А я подумал, что отец ушел от вашей матери, когда вы были маленькой.

– Что вы, – рассмеялась Мария. – Папа нас не бросал, но он палеонтолог, и очень много времени проводит в экспедициях. Сейчас копает в Алжире – нашли интересные кости. Я очень любила маму, она была, как капитан корабля, с которого сбежала команда. Все нужно было успеть самой, за всем уследить, и собственную дочь воспринимаешь не как личность, а как... скажем, котел в машинном отделении.

– Мария, – Хьюго решил вернуться к главной теме, хотя ему было очень интересно и важно знать, как Мария жила раньше, был ли у нее кто-то. – Я хотел спросить... О чем вы подумали, когда взяли в руки книгу? Вы увидели ее на полке...

– Да, и сразу поняла, что это не обычная книга, – задумчиво произнесла Мария. – Я еще и в руки ее не взяла, но уже знала, что сейчас начнется необычное. Странное ощущение. А когда я взяла книгу в руки и раскрыла... Знаете, Хью, я совсем не удивилась, увидев значки. Мне кажется, я удивилась бы, если бы на странице оказался обычный текст женского романа, что-нибудь вроде «Он прильнул губами к ее губам», ну, вы понимаете. И в это время появились вы.

– А если бы не появился? Вы бы поставили книгу обратно?

– Нет! Не знаю, что бы я сделала, но у меня возникло ощущение, будто это моя книга, понимаете?

– Да, – кивнул Хьюго. – У меня появилась та же мысль, когда я взял книгу из ваших рук. И почему-то я уже тогда был убежден: книга возникла на полке сама по себе. Не материализовалась из ничего, это глупости. И тем не менее...

– Она у вас с собой? – спросила Мария.

Хьюго достал книгу из рюкзака, лежавшего у ног, будто верная собачонка, и положил на стол.

– Что с ней делать? – спросил Хьюго не столько Марию, сколько себя. – Специалисты утверждают, что это не символы какого бы то ни было языка. Никто не заинтересовался, откуда значки, никому не стало интересно, что они могут означать.

– Может, спрашивать нужно было не лингвистов, а специалистов по криптографии?

– Им я тоже написал, – кивнул Хьюго. – Трое были специалистами именно по криптографии.

– Вы сообщили, откуда взяты пиктограммы?

– Конечно. Иначе мне не ответили бы. Мария, я думал, знатоков расхолаживает то обстоятельство, что книга по всем прочим параметрам совсем обычная: бумага, печать, клей, даже библиотечный код. Да, непонятно, как книга оказалась помеченной, но сама метка обычная, в нашей библиотеке книги помечены именно таким образом.

– За исключением того, – задумчиво добавила Мария, – что остальные книги занесены в каталог, а эта – нет.

– А эта – нет, – повторил Хьюго.

Мария осторожно взяла книгу и раскрыла посередине.

– Может быть, каждый значок все-таки обладает собственным значением? Каждый значок не часть слова, не слово даже, а целое предложение. Или абзац. Или даже история. Это возможно? Как в каталоге – вы придаете книге номер или иное кодовое обозначение. Видите код и понимаете, какому тексту он принадлежит.

– Понимаю. Каждый значок может символизировать целую историю, если знать код, вы это хотите сказать?

Мария кивнула.

– Для шутки или мистификации это уж совсем...

– Но мы решили, что это не шутка и не мистификация? Вы говорили о появлении идей из ничего...

– Не из ничего, – покачал головой Хьюго. – Из уже имеющейся информации, которой стало слишком много. Как в первородном океане зарождается жизнь и начинает развиваться сама собой... Смысл рождает смысл. Почему новый смысл должен быть изложен человеческим языком? Любым из человеческих языков?

– Большая часть книг в библиотечной сети, – перебила Мария, – это книги на английском, да? Вот видите. Если следовать вашей логике, то и эта книга должна быть по-английски. Если она что-то такое, среднестатистическое... Среднестатистическая бумага, среднестатистический клей... то и язык...

– Наверно. С другой стороны, если информация может сама себя рождать... Может, существует некий природный язык?

– Или... – сказала Мария и замолчала, закрыв книгу, положив на нее обе руки и глядя перед собой. Хьюго обернулся, чтобы увидеть, на что смотрит Мария, но там была белая стена, будто экран, на который легко проецировать собственные мысли.

– В этой книге, – медленно произнесла Мария, будто в трансе, – столько же знаков, сколько в Пятикнижии. Бог продиктовал Моисею Тору на горе Синай, и Моисей записал то, что слышал, – на своем языке, конечно. Но говорил ли Бог на любом из человеческих языков? Или это были образы, которые Бог вкладывал Моисею в голову? И Тора была изначально создана Богом на его языке? На языке с бесконечным количеством смыслов? На языке, каждый знак которого соразмерен Вечности? Математики находят в тексте Ветхого завета указания на события, которые тогда еще не произошли...

– Я знаю, – поспешил проявить свои познания Хьюго, – Рипс? Я читал «Библейский код» Дрознина и не согласен с...

– А если это лишь малые осколки реальных бесконечных смыслов? – продолжала Мария, не слыша Хьюго. – Если эта книга и есть истинное Пятикнижие, написанное на единственном языке, охватывающем все пространство и все время? На языке Бога?

– Мария...

Девушка вздохнула, провела ладонью по белой обложке и отдернула руки.

– Вы на самом деле думаете...

– А почему нет? – с вызовом сказала Мария. – Разве не появилась книга из ничего? Разве не написана она на несуществующем языке? Разве хоть один символ повторяет другой? Разве число символов...

– Да-да, – нетерпеливо сказал Хьюго. – Но бумага... Брошюровка...

– Разве книга книг непременно должна быть написана на папирусе, пергаменте или другом экзотическом носителе? А если бы это оказался файл в вашем компьютере?

– Было бы естественнее, – кивнул Хьюго. – Когда у меня возникла идея о том, что информация самопроизвольно родила информацию, я сразу сказал себе: «Почему книга? Это должен быть файл».

– Должен? – переспросила Мария со странным выражением лица, которое Хьюго не смог понять: сказано было то ли с легким презрением, то ли с таким же легким недоумением, то ли, напротив, с участием и согласием.

– Вы правы, «должен» – не то слово, но я подумал...

Хьюго окончательно смутился и замолчал, глядя на белую матовую поверхность обложки. Показалось ему или действительно книга за прошедшие часы стала немного темнее? Белый цвет не был уже таким ярким, в нем возникла не определимая пока серость, это могло, конечно, казаться из-за не очень яркого освещения в кафе, нужно было вынести книгу на солнечный свет, но сейчас и это было невозможно – на улице стало совсем темно. Это кажущийся эффект, убеждал себя Хьюго, прекрасно понимая, что ничто, связанное с книгой, не может быть кажущимся – до сих пор она не обманывала органы чувств, значит, и сейчас...

– Мария, – сказал он, проведя пальцем по обложке, – вам не кажется...

– Кажется, – девушка не позволила Хьюго закончить фразу, ему даже хотелось, чтобы Мария перебивала его, продолжала его слова, дополняла его мысли – приводила их в порядок, придавала нужное направление.

– У белого цвета, – Мария провела пальцем по обложке и натолкнулась на палец Хьюго. Соприкоснувшись, пальцы исполнили танец расставания и сближения и, наконец, прильнули друг к другу.

– У белого цвета, – повторила Мария, когда танец пальцев закончился, – множество оттенков, как у всякого другого.

– У белого цвета, – возразил Хьюго, – не может быть оттенков. Это сложение всех цветов, символ совершенства. Любой оттенок – искажение совершенства...

– Белый цвет, – прервала его Мария, – состояние неустойчивого равновесия, вершина цветовой горы, и достаточно появиться любому оттенку...

Она замолчала, Хьюго не стал заканчивать фразу, смысл которой был понятен обоим. Пальцы их, всего лишь прижавшиеся друг к другу, сплелись, Хьюго и Мария поднялись, соединив ладони над книгой, и обоим показалось, что обложка заискрилась огнями святого Эльма, они отдернули руки и посмотрели друг другу в глаза.

– Надо проверить, – деловито произнес Хьюго. – Я уверен, что это нам кажется – освещение здесь не очень хорошее.

– Пойдем, – согласилась Мария. – Только на улице темно, фонари искажают цветовое восприятие.

– У меня дома, – сообщил Хьюго, – лампы дневного света. Цвет в их лучах не искажается. Во всяком случае, – добавил он смущенно, – так сказано в инструкции.

* * *

Обложка стала темнее. Ненамного, но все-таки заметно. Появился оттенок серого или, может, синего – если держать книгу к свету под одним углом, казалось, что она становится серой, а если под другим – синей.

– Или желтоватой, – произнесла Мария с вопросительной интонацией.

Они сидели на кухне в квартире Хьюго под яркой белой лампой, и книга расположилась на столе, как ей самой хотелось.

– Может, чуть желтоватой, – согласился Хьюго, хотя ему оттенок казался скорее зеленоватым. Японцы, говорят, воспринимают несколько тысяч оттенков, сейчас Хьюго был уверен, что даже двух десятков не различит.

– Если все так, как мы думаем, – сказала Мария, – эта книга... такая ценность, какой никогда не было. За нее будут предлагать миллионы.

Хьюго молчал.

– Наверно, – продолжала Мария, – нужно все страницы скопировать и показывать экспертам только копии. А оригинал завтра утром положить в банк. Купить сейф на какое-то время. Пусть книга лежит там.

Хьюго молчал, смотрел на Марию, думал.

– Вы представляете, что начнется в научном мире, когда о книге станет известно? – говорила Мария. – Сенсация больше той, что была, когда вышел «Код да Винчи». Ватикан захочет получить книгу и спрятать ее подальше. Евреи потребуют, чтобы книга хранилась в Иерусалиме, ведь это книга Бога. Истинный текст Торы на языке Творца. Язык Творца, понимаете, Хью, что это значит для человечества, а не только для науки?

Хьюго молчал.

– Хью! – воскликнула Мария, попытавшись поймать его взгляд. – Почему вы молчите? Нужно придумать, как сохранить книгу, ведь за ней начнется охота, вы это понимаете?

Хьюго кивнул. Он протянул над столом руки и взял ладони Марии. Он посмотрел, наконец, ей в глаза и, вообще-то, не собиравшись говорить ничего больше.

– Хью...

– Мария, – сказал он, вернувшись из выдуманной страны, в которой он и Мария давно были женаты и растили троих детей на удаленной от города ферме, где было все для привольной жизни, и главное – книги, которые он и его любимая жена по вечерам читали вслух, а дети сидели на полу, скрестив ноги по-турецки, и слушали так внимательно, как только дети и умеют слушать, уходя всей душой и сознанием в мир, описанный черными значками на белых страницах.

Хьюго дернул головой и повторил:

– Мария, боюсь, все будет не так. Сейчас расплодилось столько романов о таинственных рукописях и книгах, каждая из которых способна изменить историю человечества, и столько сейчас вышло фильмов... Сформировался стереотип, понимаете? Помните сказку о мальчике, который кричал «Волки, волки!»? Когда напали настоящие волки, никто ему не поверил.

– Это разные вещи! То романы, их публикуют по штуке в день, у вас в библиотеке целая полка...

– Три, – поправил Хьюго. – Исторические триллеры занимают стеллаж, а книги о таинственных книгах – три полки сверху. Слева от кафедры библиографа, пятый ряд.

– Это всего лишь книги, придуманные...

– И это тоже, – пальцы Хьюго коснулись теплой бумаги, – всего лишь книга.

– Вчера и сегодня, – продолжал он, – я разослал больше сотни сообщений о том, что случилось. Послал специалистам – лучшим в мире! – скан одной из страниц. Спросил у самых надежных экспертов по древним и экзотическим языкам, что они могут сказать о пиктограммах. Две трети не ответили вообще.

– Хью! – воскликнула Мария. – Прошел всего день! Они не успели.

– Хорошо. Треть ответила. Такого языка не существует, – сказали эксперты в один голос. Это мистификация, – сказали они. Уверяю вас, Мария, остальные ответы, если кто-нибудь еще ответит, будут такими же. Никому это не интересно. У всех свои проблемы и научные задачи. Кто станет возиться с идеями заштатного библиотекаря из заштатного американского города, население которого не дотягивает даже до сотни тысяч?

– Хью, вы так уверены...

– Я знаю, – с горечью произнес Хьюго.

– Тогда мы сами... Это даже лучше! Мы – первые, и мы все сделаем, как надо. Послушайте. Завтра нужно найти лабораторию, в которой исследуют химический состав бумаги и клея...

– У нас, в Фарго? – скептически улыбнулся Хьюго.

– В университете.

– В университете нет химического факультета. Есть сельскохозяйственный, они исследуют урожайность... вы полагаете, кто-то захочет бросить свою плановую работу и заняться...

– Мы заплатим!

– У них, скорее всего, и оборудования нет. Знаете, где могут провести такое исследование? В полиции. Они же изучают улики. Думаете, если мы придем в полицию, расскажем нашу историю, предъявим книгу, они заинтересуются? Мария, нас развернут в направлении выхода быстрее, чем кошка делает оборот вокруг оси, гоняясь за своим хвостом.

– Ну что вы все «будут и сделают»! – возмутилась Мария, встала и принялась ходить по кухне. – Надо начать, надо действовать. «Делай, что должно, и будь что будет!» Да?

– Конечно, – сказал Хьюго. – Так мы и сделаем. Завтра.

– Кстати, – вспомнил он, – единственный, кто хоть как-то отреагировал на мои послания, это мой старый знакомый Боб Ходжсон, он работает в Библиотеке Конгресса, мы с ним учились в Гарварде, но он сделал более приличную карьеру...

– Не говорите так!

– Боб прислал короткое сообщение: «Позвони».

– Что он сказал, когда вы позвонили? – Мария остановилась, облокотившись на кухонный шкафчик, отчего стоявшие на его крышке пустые бутылки тихо звякнули.

– Я еще не звонил. Вечером неприлично, у него своя жизнь.

– Вы меня поражаете, Хью! – заявила Мария. – Сколько сейчас времени? Еще и десяти нет. Набирайте номер.

– Боб живет в Нью-Йорке, – запротестовал Хьюго, – там почти полночь.

– Какой у него номер? Я позвоню сама.

– Не надо! – сейчас и самому Хьюго показалось странным, почему он не позвонил сразу. Да, Боб может быть занят – в крайнем случае, не ответит на звонок.

Хьюго прошел в гостиную, где на журнальном столике стоял подключенный к интернету лэптоп, и через минуту, глядя на экран и сверяя цифры, набирал отдаленно знакомый номер.

– Ходжсон слушает, – Хьюго включил динамики, и усталый, не очень довольный голос заполнил комнату.

– Это Хьюго Мюллер. Боб, ты написал, чтобы я позвонил. Надеюсь, я не очень поздно.

– Хью! – голос мгновенно изменился. – Хорошо, что ты появился. Я получил твой файл. Показал нашим специалистам по языкам и по кодировке.

– Спасибо... – пробормотал Хьюго.

– Видишь ли, в чем дело, Хью, – продолжал Боб. – Года два назад у нас была похожая история. Я тогда работал в отделе регистрации и хорошо помню. Видимо, хакерская атака, так, по крайней мере, это потом расценили. Во всех компьютерах библиотеки одновременно появились довольно большие файлы, содержавшие наборы то ли криптограмм, то ли пиктограмм – самые разные значки, никакой системы. Сотни файлов. Никаких вирусов наши системщики не обнаружили. Отследить адреса, с которых файлы были получены, не удалось. Никакого вреда компьютерам они не нанесли. У кого-то даже идея возникла, будто инопланетяне нам таким образом свои послания внедрили. Глупо, конечно, но когда не можешь решить задачу обычными способами, начинаешь придумывать фантастические.

– И что же... – нетерпеливо сказал Хьюго.

– Хочешь знать, чем кончилось? Ничем. Ты знаешь, у хакеров возникают самые идиотские идеи. Как они проникли в систему, выяснить не удалось, но тогда, помню, поменяли все пароли, усилили защитные программы... в общем, больше ничего подобного не происходило.

– А файлы? – голос Хьюго поднялся почти до крика. – Что вы сделали с файлами? Ты мог бы переслать мне...

– Нет, конечно. Нельзя хранить в компьютерах файлы, если нет уверенности в их происхождении. Файлы снесли, так что никаких следов.

Мария все это время теребила пальцами рукав Хьюго, требуя внимания, но он был слишком увлечен разговором.

– Хью! – не выдержала девушка. – Спроси его...

Хьюго недовольно отодвинул трубку от уха.

– Спроси, – быстро сказала Мария, – в тот день, когда появились файлы, не было ли...

– Я понял. Боб, – сказал Хьюго. – В тот день, когда появились эти файлы, не проводились ли какие-то действия с библиотечной компьютерной сетью? Я имею в виду...

– Хорошо, что ты напомнил, – оживился Боб. – Да, нашу сеть в тот день вывели на мировой уровень, именно тогда начала работать – еще не очень совершенная – мировая библиотечная система. О ней, кстати, много тогда писали, рассказывали.

– Тебе не кажется...

– Да что там кажется! Конечно, файлы появились именно поэтому.

Очень хорошо, – подумал Хьюго, – значит, мы одинаково думаем, Боб тоже считает, что информация начала порождать информацию!

– Как только возникла мировая сеть, – радостно говорил Ходжсон, – хакеры сразу и накнулись, это ясно. И то, что потом, когда усилили защиту, подобных атак больше не было, подтверждает этот вывод со всей очевидностью.

– Со всей очевидностью, – пробормотал Хьюго.

– Боб, – сказал он, – тебе не приходило в голову, что причина появления файлов могла быть совсем иной?

– Иной? Что ты хочешь сказать?

– Как тебе такая идея...

Хьюго говорил громко и медленно, почему-то ему казалось, что так его гипотеза – безумная, конечно, если честно, – лучше дойдет до сознания Боба. Он начнет думать, а не пропустит мимо ушей.

– По-моему, это самое естественное объяснение, – заключил Хьюго. – Оно годится и для твоего, и для моего случаев.

– Ты серьезно? – с недоумением произнес Боб. – Информация рождает информацию? Извини, но это... Фантастика. Такого не бывает, ты прекрасно и сам понимаешь, Хью. А твоя книга... Шутка. Конечно, сложная, но бывало и не такое. Как-то Эндрю Докинс, помнишь его, он учился на историческом, курс ниже нашего, кудрявый такой парень, на носу бородавка, он еще потом женился на Софи... впрочем, с Софи ты вряд ли знаком... Так я к чему? На третьем курсе Эндрю подшутил над Уолтером, его ты тоже не знаешь, неважно. Он договорился с бригадой грузчиков, чтобы те вывезли на свалку старый рояль. А рояль стоял в квартире Уолтера и был совсем новым, тот его недавно купил и всем рассказывал, какой это замечательный инструмент. Эндрю объяснил бригадиру грузчиков, что хозяин рояля немного не в себе, реакции у него неадекватные, он может устроить скандал, не нужно обращать внимания.

– Я помню эту историю, – перебил Хьюго. Он не помнил, но шутка (жестокая, надо сказать) с роялем не известного ему Уолтера не имела отношения к произошедшему. Да, бывают какие угодно розыгрыши, он и сам мог рассказать, о многом читал в книгах, но при чем здесь...

А вот так, – подумал Хьюго. Любой человек, не державший книгу в руках (а может, и державший – достаточно вспомнить миссис Аллен), скажет, что это чья-то шутка. Он и сам так думал, разве нет? Чего же требовать от Боба?

– Ну, если помнишь, – облегченно вздохнул Боб, – то понимаешь, что я хочу сказать. Ищи шутника. Наверняка это кто-то из постоянных читателей. Погляди по записям, кто приходил в библиотеку в то утро.

– Хорошо, – сказал Хьюго. – Значит, ты считаешь, что не нужно париться.

– Уверен. Собственно, это я тебе и хотел сказать. Твое послание показалось мне слишком серьезным. Мистификация того не стоит, уверяю тебя.

– Даже если учесть, что число символов в точности совпадает с...

– Хью, о чем ты говоришь! Мало ли что с чем совпадает! Для любого числа можно найти какой-нибудь аналог, в нашем мире столько сакральных и не сакральных чисел, что совпадения неизбежны, и если на каждое обращать внимание... Ты читал книгу Вернера «Магия чисел»? Примеров удивительных совпадений там столько, что...

– Читал, – сказал Хьюго. Беспольный разговор, подумал он. Стена. Не пробить.

– Спасибо за совет, Боб, – сказал он. – Как ты? Извини, мы столько не общались, что я не знаю. Ты женился?

– Конечно! – радостно воскликнул Ходжсон. – Ее зовут Люси. У нас сын, Патрик. Здорово, правда?

– Почему ты сразу не сказал? – Хьюго почувствовал себя неудобно. Надо бы придумать какой-нибудь подарок, послать по почте. – Поздравляю! Передай от меня Люси большой привет. Вы оба молодцы.

– Спасибо, Хью, – с чувством произнес Боб. – В общем, ты меня понял? Что делать с книгой – тебе решать. Оставь на память. Уверяю тебя, шутник сам объявится, захочет узнать результат розыгрыша.

– Спокойной ночи, Боб.

* * *

– Вот так все и будет, – с горечью произнес Хьюго. – Розыгрыш. Случай. Никому ничего не нужно.

Мария подошла и положила руки на его плечи. Она хотела сказать что-то ободряющее, но глаза говорили немного не о том, точнее, совсем не о том, а о чем – Хьюго попытался понять, для этого надо было быть ближе... еще... и почему-то губы... при чем здесь губы, если глаза... Странно – он так давно не целовался с женщиной, нет, целовался, конечно, с женой, каждый день, легко так, в уголки губ или в щеку, вскользь, будто исполнял ритуал, может, потому они и расстались, что поцелуи их стали ритуальными, не такими, как вначале... как сейчас...

Какие хрупкие у нее плечи...

Мария отстранилась.

– У меня такое ощущение, – сказала она, – будто за нами наблюдают.

Хьюго тоже чувствовал – затылком, – что в комнате находится кто-то третий, невидимый, но внимательный. И добрый – да, добрый, он так чувствовал, взгляд не мешал, но помогал, хотя Хьюго и не мог понять – в чем именно.

Оба посмотрели на книгу.

– Ты думаешь... – Мария помедлила. – Она живая?

– Нет, – Хьюго был почему-то уверен в том, что говорил. – Она не живая, точно. И цвет обложки не изменился. Наверно, все дело в освещении.

– Или в нашем восприятии, – заметила Мария. – Меняется не книга. Меняемся мы. Дай-ка...

Мария отобрала книгу у Хьюго, но не стала рассматривать, а приложила к груди. Закрывает глаза, прислушиваясь к чему-то в себе. Боже, – думал Хьюго, – какая она красивая. Никогда не видел таких красивых женщин. А ведь вчера, увидев впервые, думал иначе: ничего особенного, чернявая итальянка. Что-то изменилось за день – и, конечно, не в ней, а в нем.

– У книги удивительная аура, – сказала Мария, не открывая глаз.

Хьюго промолчал, он терпеть не мог этого слова, не означавшего, по его мнению, ничего, кроме нежелания человека признаваться в непонимании.

– Я терпеть не могу это слово, – сказала Мария, – оно, по сути, ничего не означает, потому что каждый понимает что-то свое. Но, Хью, мне совсем не хочется придумывать другое слово, которое тоже не будет означать ничего для тебя, пока ты сам... Я хочу сказать, что, когда книга так близко... я чувствую, как бьется сердце... Мое, наверно, но мне кажется, что это сердце книги, и еще я сейчас поняла... Тема моей дипломной работы была «Францисканские монастыри в Ломбардии, их влияние на культуру Северной Италии восемнадцатого века». Я объехала тогда все ломбардские монастыри, меня допустили в библиотеки, большая часть монастырей – мужская, и я удостоилась только беседы с настоятелем, это было счастливое время открытий, но многого я все равно не узнала, потому что я женщина, и сейчас мне пришло в голову то, что могло стать тогда ударным финалом. Я могла...

Мария говорила монотонным голосом, раскачиваясь вперед-назад, будто религиозный еврей у Стены плача. Может, так и надо – на самом деле – разговаривать если не с Творцом, то с ниспосланной Им силой?

Он не решался прервать Марию, как не решаешься встать на пути лунатика – если прервать лунатический сон, человек может умереть от шока.

Мария положила книгу на стол и сказала спокойно:

– Попробуй сам. Прижми книгу к груди – ты не пробовал? – и думай о чем-нибудь для тебя важном.

– Для тебя, – вырвалось у него, и он сразу пожалел о сказанных словах, – важнее всего на свете дипломная работа?

– Моя работа, – поправила Мария. – А для тебя?

«Ты», – хотел сказать он, но, глядя в ее глаза, сказал правду:

– Библиотека.

Он взял книгу из рук Марии и сделал то, о чем она просила: прижал к груди, скрестив руки. Показалось ему, или от книги на самом деле исходило тепло? Не физическая теплота, измеряемая в джоулях или еще каких-то единицах, которые он изучал в школе, но благополучно забыл – тепло было иным, и Хьюго не смог бы дать определение неожиданному ощущению. Он понял Марию. Она сказала «аура», он бы назвал это теплом, а на самом деле...

Рождение информации – вот что. Может во время такого процесса выделяться тепло? Наверно. Хьюго ничего не понимал в физике – типичный гуманитарий, – но разве не

естественно предположить, что информация рождает информацию? Знания рожают знания, из идей возникают новые идеи. Как жизнь, которая не просто воспроизводит сама себя, но эволюционирует, усложняется, и этот процесс становится неотвратимым, когда – возможно, случайно – органическая молекула достигает определенного уровня сложности.

Информация – это не просто набор знаков. Это – упорядоченность. Это – смысл. «В начале сотворил Господь небо и землю». Немного слов, но сколько смысла! А смысл не понять без знания языка. Может ли существовать язык, понятный всем живым существам, в любой стране, на любой планете, в любой галактике?

Язык Бога?

– Она теплая, – сказал Хьюго. – Знаешь, о чем еще я подумал? Нужно написать письма во все библиотеки, вошедшие в мировую сеть.

– Да, – кивнула Мария. – Там тоже должны были появиться книги.

– Или файлы. Сейчас же напишем, ты никуда не торопишься?

– Нет, – сказала Мария после небольшой паузы, неприятно резанувшей слух Хьюго.

Книгу положили на стол рядом с ноутбуком. Хьюго пододвинул стул для Марии, и они сидели так близко друг к другу, как только было возможно, их локти то и дело соприкасались, и Хьюго казалось, что между ними пробежала искра. Может, так и было, он слишком слабо разбирался в физике, – не разбирался вообще! – чтобы оценить возможность подобного эффекта. И еще ему начало казаться, что он ощущает мысли Марии – понимал, конечно, что это были его собственные мысли, точнее, его мысли о том, какими бы он хотел слышать мысли Марии. Отражение отражения, но ему казалось, что он знает: Мария думала о том, что он медлит, надо быстрее, а вообще у него красивые глаза, хочется опять взять книгу в руки и больше не выпускать, потому что она подобна якорю или, лучше сказать, натянутому канату, который не позволяет расслабиться, тянет куда-то...

Свои-чужие мысли мешали, но Хьюго хотелось их слышать, и он вслушивался в то, что, скорее всего, сам и придумывал, одновременно вызывая из базы данных библиотеки список контактов. Ого! Он знал, конечно, что число библиотек в мире давно превысило полмиллиона, но думал, что далеко еще не все имеют выход в сеть GLNS. Триста одиннадцать тысяч семьсот девяносто четыре. Уже после библиотеки в Фарго подключилась библиотека в Пловдиве, Болгария. Распределение по странам тоже интересно: большая часть в Штатах, на втором месте Великобритания, потом идут практически голова к голове Германия, Франция, Бельгия, Норвегия, Италия (видишь, Мария, на седьмом месте), Индия, Россия, Голландия. А что же Китай? Там много библиотек, Хьюго переписывался в прошлом году с библиотекой в Пекине, доктору Пенгасу с исторического факультета понадобилась информация о книге, вышедшей в Китае на английском языке. Получить нужные сведения удалось с трудом, библиотекарь (как его звали? Китайские имена мгновенно улечиваются из памяти) запрашивал разрешения, долго не мог их получить... Да, библиотек в Китае множество, но в сеть вышли единицы – все в крупных университетах.

Письмо он составил короткое (кто станет читать длинные письма, да и вопрос был, по сути, прост), в список адресатов включил для начала двести библиотек – по четыре-пять из каждой страны в списке. Хьюго работал, а Мария ему помогала – он слышал ее дыхание, ощущал (почему только сейчас, почему не чувствовал раньше?) тонкий запах ее духов, понимал ее сосредоточенность, ее нетерпение, ее желание, чтобы он все сделал правильно, нигде не ошибся.

Он все сделал правильно и не ошибся, отправил письма, и одно письмо, специальное, в библиотеку Пловдива, где, возможно, еще не успели обнаружить свою книгу.

Нажал, наконец, на «send», посмотрел на часы в правом нижнем углу экрана и удивленно перевел взгляд на Марию.

– Ну да, – устало улыбнулась она. – Половина третьего. Ты работал, как одержимый, я хотела приготовить кофе и сэндвичи, но не могла встать. Такое ощущение, будто меня к тебе прилепили, странно, верно?

– А... сейчас?

Мария поднялась, и Хьюго почувствовал, как сила, противоположная земному притяжению, приподнимает и его над стулом. Он пошел на кухню следом за девушкой и ходил за ней, как привязанный, пока она доставала из шкафчика банку с кофе, включала чайник, искала в холодильнике бекон и зелень. Похоже, Мария прекрасно знала, где что лежит, будто прочитала в его мыслях – возможно, так и было, она поставила на столик две чашки с кофе, положила ему три ложки сахара (так он любил, но откуда Мария об этом узнала?), они сели напротив друг друга, смотрели друг другу в глаза и говорили, медленно, устало, может, вовсе и не словами. Хьюго казалось, что он раскрывает рот только для того, чтобы сделать глоток.

– Когда, по-твоему, придет первый ответ? – спрашивала Мария.

– В Индии и Китае сейчас день, – отвечал Хьюго. – Оттуда ответы могут поступить уже сейчас. Вот доем сэндвич... Ты почему не ешь?

– Нет аппетита. Неважно.

– Тебе не кажется, что мы теперь не сможем...

– Не сможем расстаться, да. Мы оба должны быть там, где книга.

– Ты тоже это чувствуешь? Значит, ты останешься у меня.

Мария кивнула.

* * *

Первый ответ пришел из городской библиотеки индийского города Сринагар. Несколько слов: лишних книг нет, точнее можно будет сказать после инвентаризации, которая будет проведена через полтора года.

Понятно.

– Ложись, поспи, – сказал Хьюго. – Вот плед, вот подушка, на диване тебе будет удобно.

– А ты?

– Подожду. Может, будут еще ответы.

– Я лягу только с тобой. То есть, я хочу сказать...

Он понимал, что Мария хотела сказать. Они опять сидели рядом, касаясь друг друга локтями, плечами, коленями, невидимые молнии соединяли их, а книга лежала на столе, и Хьюго казалось, что она за ними наблюдает.

Через час пришли еще два ответа – из библиотеки Московского университета и той библиотеки в Болгарии, что только вчера подключилась к сети. Библиотекарь из Москвы, некий (некая?) Денис (или правильно читать – Дениза?) Косенко, сообщал (сообщала), что в день подключения библиотеки МГУ к всемирной сети происходило много всякого, но он (она) не помнит, чтобы случались события, о которых спрашивает коллега. Правда, месяц назад систему переустанавливали, так что, если и были в ней какие-то паразитные файлы, сейчас их точно нет, потому что чистку провели основательную.

А из Болгарии библиотекарь, не назвавший своего имени, сообщил, что в момент подключения к системе имела место хакерская атака, но защитные программы сработали четко, так что все в порядке, господа, можете пользоваться нашей библиотекой без опасения, что ваш компьютер окажется заражен вирусами.

Хьюго приготовил кофе, Мария сделала еще пару сэндвичей, израсходовав весь запас бекона и помидоров. Сидели перед ноутбуком, касаясь друг друга мыслями, которые к утру стали у Хьюго менее определенными, но более откровенными. Ему не хотелось, чтобы Мария знала, о чем он думает, но он знал, что она все равно знала, и от этого ему почему-то становилось спокойнее. И еще он точно знал, сколько получит ответов на свое письмо,

и какими эти ответы будут. Можно было и не дожидаться, пойти поспать – к девяти на работу, и Марии наверняка есть чем заняться.

– Мне нужно съездить в резервацию, – сказала Мария, прикрывая ладонью зевок. – Сэм Петигрю обещал рассказать о своих предках по женской линии. По мужской у него англосаксы до четвертого колена, а жен – так получилось – они всегда брали из племени.

– Знаю я Сэма, – протянул Хьюго. – Он интересно рассказывает, и язык еще не совсем забыл. Только не верь, хорошо? Я дам тебе ссылки на верные источники.

Рассвело неожиданно быстро, и, будто подталкиваемые электромагнитными волнами, на почту пришли, тихо звякнув, еще три письма: опять Индия (Мумбаи), а еще Израиль (библиотека Еврейского университета) и Эмираты (Королевская библиотека Фахда). Хьюго пробежал глазами тексты.

– Все то же, – сказал он. – Ничего не обнаружено.

– Странно, – Мария опустила голову на плечо Хьюго, закрыла глаза, дышала ровно, будто спала. – Странно, странно...

Хьюго сидел неподвижно, пусть она подремлет, день предстоит тяжелый, мне тоже хорошо с тобой, я никуда тебя не отпущу, не смогу, и ты не сможешь уйти, потому что мы теперь с тобой рабы книги – нам нужно все время иметь ее рядом, видеть, смотреть, она этого хочет и не отпустит нас...

Хьюго взял книгу в руки и в прозрачном утреннем освещении отчетливо и теперь уже вполне определенно увидел, что обложка больше не сияет белизной. Он дернул плечом, и Мария выпрямилась.

– Она серая! – ахнула девушка.

– Скорее, не совсем белая, – поправил Хьюго.

– Господи... – прошептала Мария. – Если так пойдет... Ты сделал копию?

– Конечно, – кивнул Хьюго. – Она в папке в моей комнате в библиотеке.

– Кто-нибудь может?..

– Нет, конечно, но... наверно, лучше забрать.

– Я с тобой, – решительно сказала Мария. – Я не могу без тебя.

Она, наверно, хотела сказать «без книги», и Хьюго, наверно, хотел сказать то же самое, но произнес тихо, погладив Марию по спутанным, непричесанным волосам:

– И я без тебя не могу.

– Можно мне принять душ?

– Конечно.

Под душ они пошли вместе. Книга, завернутая в полиэтилен, лежала на высокой полке, где Хьюго хранил шампуни и стиральные порошки. Воду пустили прохладную, стояли под струей, не стесняясь друг друга, Хьюго думал: «Боже, какая ты красивая», и Мария отвечала: «Почему мы не встретились раньше?»

После душа мысли проявились, духота заснула под полотенцами, утренняя свежесть коснулась кожи. Они пили кофе, ласкали друг друга взглядами и радовались, будто Адам и Ева в райском саду, когда еще не подозревали о своей наготе.

В библиотеку они пришли ровно в девять, держась за руки, книга лежала в рюкзаке у Хьюго, и он показал ее Мету Фишеру, дежурившему в первой смене.

– Зазвонит, – сказал Хьюго. – Не обращай внимания.

– Дайте книгу, Эйч-Эм, – потребовал охранник, – и проходите без нее. Теперь держите.

В кабинете Хьюго первым делом проверил почту – пришли еще семнадцать ответов. Все отрицательные.

Они просидели в комнате весь день. Мария – в кресле под кондиционером, с книгой в руке. Хьюго – за компьютером, рассылая и получая письма. Кто-то заглядывал к ним, что-то спрашивал, Хьюго отвечал, не то чтобы не думая, но не вникая, на Марию посматривали, и что думали о гостье внимательные библиотечные кумушки, было понятно без слов. Время от времени Мария поднималась, подносила книгу к лампе, и оба

пристально всматривались – похоже, процесс приостановился, книга не была такой ярко-белой, как вчера, но серость не прогрессировала.

В обед Хьюго спустился в кафетерий, взял кофе и четыре круассана, Хильда его о чем-то спрашивала, и он что-то объяснил, удовлетворив ее любопытство, но о чем именно шла речь, он не помнил, зато, возвращаясь, знал точно, что за время его отсутствия (всего-то одиннадцать минут) поступили еще девятнадцать ответов, и Мария, уже посмотревшая почту, сказала, что все они написаны, будто по шаблону: лишние книги или файлы не обнаружены. Возможно, после инвентаризации...

Двадцать восемь библиотек вообще не дали толкового ответа. Кто-то там решил, что шуткой является сам запрос, и ответили соответствующим образом: мол, система межбиблиотечной информации работает нормально, и нет повода для расследований, спасибо за внимание.

К концу рабочего дня позвонила миссис Аллен и попросила Хьюго подняться.

– Побудешь одна? – Хьюго очень не хотелось оставлять Марию, он прирос к ней в эти часы, но идти к директрисе вдвоем было глупо.

Мария кивнула – она тоже ощущала собственную неожиданную незащищенность – от чего?

– Ты собиралась в резервацию! – вспомнил Хьюго.

– О, – улыбнулась Мария, – я перенесла встречу... на неопределенный срок.

Миссис Аллен встретила Хьюго приветливо, будто и не было вчерашнего инцидента.

– Эйч-Эм, – сказала она, жестом пригласив Хьюго сесть в кресло напротив директорского стола, – я хотела бы узнать, как работает система. Варгас составил отчет о работе программного обеспечения – там все в порядке. А что у вас?

Хьюго за это время ни разу не поинтересовался, как система работает и работает ли вообще, но, услышав вопрос, осознал, точнее – вспомнил, что в промежутках между чтением писем-ответов и отправкой новых запросов активно выполнял служебные обязанности, управляясь подсознанием и думая на иную тему.

– Система в порядке, – отрапортовал он. – Вчера и сегодня приняты и обработаны триста шестнадцать запросов на литературу из нашего фонда, в том числе двести восемьдесят два запроса – на платные файлы из открытого доступа. Оплата прошла без проблем, все файлы скопированы и отосланы. В свою очередь, наши читатели тоже проявляли высокую активность. Линда и Эмма в читальном зале обработали и отправили шестнадцать запросов, оплату получали кредитными картами.

Директриса слушала внимательно, кивала, что-то отмечала в блокноте.

– Отлично, – сказала она, когда Хьюго замолчал, пораженный тем, что помнил, оказывается, все эти числа и за каждое мог ручаться, хотя минуту назад, если бы его спросили... Впрочем, наверно, и тогда вспомнил бы, разве нет?

– Подготовьте справку для попечительского совета, – потребовала директриса. – Обрадую наших спонсоров, деньги потрачены не зря. Когда я смогу получить справку?

– Минут через пять, я спущусь к себе и сразу перешлю файл на ваш электронный адрес.

– Замечательно, – миссис Аллен встала, и, когда Хьюго уже шел к двери, сказала ему вслед: – Эта книга... вчерашняя... надеюсь, вы ни в каких отчетах ее не упоминали? Ни к чему нам мистификации, вы согласны?

Она замолчала, не зная, как реагировать на странный взгляд Хьюго. Молодой человек обернулся, нахмурился, будто вспоминая что-то, и на директрису опустилось серое облако, кокон, в котором она чувствовала себя неудобно, не понимая, что происходит. Секунду спустя кокон растаял, а Хьюго, опустив взгляд и, видимо, тоже не очень хорошо себя ощущая, сказал стесненным голосом:

– Да... То есть, нет, не упоминал. И...

– Вы хотите что-то сказать? – нетерпеливо спросила миссис Аллен. Она не любила, когда подчиненные, которым было указано на дверь, задерживались и начинали говорить лишнее. Свои проблемы каждый должен решать сам.

– Нет, ничего, – пробормотал Хьюго и, выйдя в коридор, тихо прикрыл за собой дверь.

Он должен был сказать. Но не знал – какими словами. Вечером, когда миссис Аллен будет ехать со старшим сыном ужинать в ресторан «Трубка мира», на выезде с бульвара Альбрехта испорченный светофор не вовремя переключит сигнал, и машина вылетит на перекресток как раз тогда, когда начнется движение по Двенадцатой авеню. В «крайслер» миссис Аллен врежутся сразу две машины, и все кончится очень быстро. Все кончится – наверно, кончится жизнь, но этого Хьюго знать не мог, потому что в странной памяти будущего наткнулся на стену, сквозь которую не мог видеть.

Вернуться и сказать. Что? Привиделось? Подумалось? Вечером... когда? Он не знал. Завтра? Через год? Лет через десять? Хьюго попробовал представить... он видел окружающее глазами миссис Аллен, не понимал, сколько ей (мне?) лет, и не мог обернуться, чтобы посмотреть чужими глазами на сидевшего рядом сына. Хьюго знал, что он там, но смотрел (смотрела?) только вперед, на дорогу. Щемящее ощущение, когда знаешь и не можешь сказать. Знаешь – что, но не знаешь, когда.

Хьюго переминался с ноги на ногу у двери кабинета, думая о том, что, если вернется, то возьмет на себя ответственность не за сказанные слова, а за две жизни, которые все равно оборвутся в нужный (кому?) момент.

С чего он взял, что миссис Аллен изволит его выслушать и, тем более, поверить? Хьюго прислушался – из-за двери доносился громкий требовательный голос, директриса говорила по телефону.

Он поплелся к себе, ощущения в ногах были такие, будто он только-только отошел от сильнейшего спазма в щиколотках.

– Почему ты так долго? – встретила его Мария. Она сидела в кресле, прижав книгу к груди, и смотрела на Хьюго взглядом испуганного зайца.

– Что-нибудь случилось? – обеспокоился он.

– Я... – Мария помедлила. – Я боюсь быть одна. Никогда прежде такого не было. Наоборот, мне нравилось... Может, обстановка так на меня действует?

– Или книга, – мягко произнес Хьюго.

Отослав отчет на адрес директрисы и разбирая новую почту, он рассказал о том, что происходило в кабинете миссис Аллен, а потом, так само собой получилось, – и о том, что ему привиделось, когда он вышел и закрыл дверь.

– С тобой случалось прежде что-то подобное? – с тревогой спросила Мария.

Хьюго покачал головой. Никогда. Это похоже на...

– Ясновидение, – сказала Мария. – Послушай...

Хьюго поднял палец, и Мария замолчала на середине фразы.

– Письмо из Ватиканской библиотеки, – Хьюго внимательно вглядывался в текст. Писавший, похоже, мысленно переводил с итальянского или латыни, английские фразы были построены не очень грамотно. – Они подключились к мировой сети одни из первых. И он точно знает, что никаких эксцессов при этом не происходило, поскольку сам присутствовал и прекрасно все помнит. Никаких неизвестных файлов. Никаких неучтенных книг на полках – с тех пор дважды проводили инвентаризацию, поскольку обновляли электронный каталог. Теперь в каталогах библиотеки можно найти не только выходные данные книг, но также синопсисы и отдельные отрывки, а в ближайшем будущем весь фонд будет оцифрован, и Ватиканская библиотека станет играть в мировой сети не меньшую роль, чем сейчас Библиотека Конгресса.

– Бог не стал обращаться к своим адептам, – улыбнулась Мария.

– А может, причина в том, что они рано подключились к системе? Еще не был перейден порог информации, не произошел качественный скачок. Здесь еще семнадцать ответов, и все будто написано одним человеком.

– Значит, – заключила Мария, – книга есть только у нас.

– Не стал бы этого гарантировать, – пробормотал Хьюго. – Может, где-то еще стоит на полке, в глубине какого-нибудь ряда среди каких-нибудь опусов, куда библиограф заглядывает только тогда, когда начинается инвентаризация...

– Что будем делать? – спросила Мария, задав вслух вопрос, который еще с утра вертелся в голове Хьюго.

– Завтра, – сказал он, – поедем в Вашингтон. Я напишу Бобу – среди его знакомых наверняка есть эксперт по книжной продукции. Боб подскажет, к кому лучше обратиться.

– Будто ты не знаешь, какими окажутся результаты, – бросила Мария.

– Знаю, – подумав, согласился Хьюго. – Но пройти этот путь нужно все равно. Если ты не хочешь ехать со мной...

– Поеду, конечно. На ближайшие дни у меня нет встреч, которые я не могла бы отменить. Но ты... Что скажет начальница?

– У меня есть восемь отпускных дней, и я могу использовать их в любое время, поставив в известность руководство библиотеки.

Хьюго отстучал текст письма, исправил в двух-трех местах, Мария читала из-за его плеча, и он ощущал ее дыхание, ему хотелось поднять руки, коснуться ее щеки...

Следовало бы отнести бумагу самому и выслушать недоуменные сетования: почему так срочно, надо предупредить... Нет. Он отправил письмо на электронный адрес миссис Аллен, копию – миссис Розуэлл, бухгалтеру (отпуск за свой счет, дни отсутствия не включать в расчетную ведомость).

– Все, – сказал он, повернувшись, обнял Марию за талию и головой уткнулся ей в живот. – Теперь мы с тобой люди книги.

– Может, сделаем еще одну копию? – сказала Мария. – Для меня?

* * *

Хьюго заказал билеты на самолет (рейс Фарго-Вашингтон летал ежедневно по утрам, вылет в восемь пятнадцать) и отослал еще сотню писем – теперь не в библиотеки, а специалистам по криптографии.

Мария подошла с кипой бумаги, нашла на столе у Хьюго несколько пластиковых папок.

– Не перепутать бы страницы, – сказала она.

– Пронумеруй, – посоветовал он.

Обе копии затолкали в рюкзак, и по дороге к Хьюго заехали в общежитие университетского кампуса. Хьюго и не подозревал, что в такой «пустой», по идее, летний месяц в парке может быть так много народа. Большинство веселилось – парни и девушки пели под вопли стоявшего под деревом телевизора, караоке получалось дурное, и Хьюго с Марией поспешили в здание, где людей было меньше, но и вели они себя более раскованно – при открытых дверях в одной из комнат, похоже, занимались любовью сразу две пары, но Хьюго мог ошибиться, они слишком быстро проскочили мимо, Мария тянула его за руку, не обращая внимания на странные звуки, доносившиеся из темных углов. Кто-то позвал ее по имени, кто-то бросил в них скомканным бумажным пакетом (или чем-то похожим? Хьюго не успел разглядеть).

Мария втолкнула Хьюго в комнату и захлопнула дверь. Звук замер снаружи, натолкнувшись на преграду.

– Как ты тут живешь? – сказал Хьюго, подумав, что не выдержал бы здесь и недели. Он вспомнил университетские годы в Гарварде – там тоже было весело, и студенты творили порой такое, о чем сейчас вспоминать не хотелось, но Хьюго казалось (может быть, напрасно), что там и тогда все происходило более пристойно, да и университетское начальство, в общем, следило за относительным порядком, хотя, конечно, на многое смотрело сквозь пальцы.

– Главное – как себя поставить, – объяснила Мария. – Ко мне никто не пристаёт, я для них слишком взрослая, в первый же вечер отшила одного... С тех пор никто...

- Ты его побила? – с любопытством спросил Хьюго.
- Нет, – смутилась Мария, – но он долго обходил меня стороной.
- Не нравится мне здесь, – заявил Хьюго. – Может, не будешь оставлять копию?

Положим обе у меня.

– Думаешь, украдут? – с сомнением сказала Мария. – Пока ничего... Наверно, ты прав. Все равно я не смогу здесь оставаться, пока книга у тебя.

Она сказала это спокойно, будто речь шла о чем-то обыденном, давно решенном и понятном.

Мария скрылась в ванной, и Хьюго несколько минут бродил по комнате от окна к кровати, от кровати к столику, от столика к полке, где аккуратно стояли книги, и Хьюго машинально провел пальцем по корешкам. «История религий», «Обычаи индейцев Северной Америки», «Верования индейских народов»... «Гордость и предубеждение», вот как. И еще «Смерть – дело одинокое» Брэдбери. Самый странный из детективов, которые когда-либо Хьюго держал в руках. Издание, которое он читал лет десять назад и подумал тогда, что в детективе главное, оказывается, не расследование, не выяснение личности убийцы, а гнетущая, привлекательная, зовущая, отталкивающая, жуткая, непереносимая атмосфера тайны. Мир выворачивается наизнанку и предстает таким, каким бывает лишь тогда, когда ему есть что скрывать, и он прячет свою тайну от всех, даже от автора, который, похоже, сам до последней страницы не догадывается, во что вляпался и чем закончится для его психики им же придуманное приключение.

– Тебе нравится Брэдбери? – спросил он, когда Мария вышла из ванной, переодевшись в брючный костюм, так плотно облегающий фигуру, что, девушка, казалось, превратилась в детально выточенную скульптуру.

– О! – добавил Хьюго, и Мария довольно улыбнулась.

– Люблю его детективы, – сказала она, – и не люблю фантастику. Не могу объяснить, не спрашивай.

Дорожная сумка, куда Мария сложила вещи, оказалась довольно тяжелой, и Хьюго запыхался, пока тащил ее до машины.

– Вряд ли мы будем в Вашингтоне больше двух дней, – заметил он, садясь за руль. Мария опустила на сиденье рядом.

– Если бы я думала иначе, то взяла бы чемодан, – усмехнулась Мария.

В парке кто-то произносил зажигательную речь под громкие вопли слушателей, и Хьюго поспешил выехать из кампуса – Ночер-плаза выглядела тихой и провинциальной, движения почти не было, и через несколько минут они вошли в квартиру Хьюго, где все то же закатное солнце, скрытое крышами домов, освещало потолок комнаты почти невидимым, но теплым светом.

Хьюго достал книгу из рюкзака и положил на стол рядом с ноутбуком. Папки с копиями взял из рук Марии и спрятал в ящик под телевизором.

Мария отправилась на кухню соорудить что-нибудь на ужин, а Хьюго сел к компьютеру. Из библиотек писем больше не было. Впрочем, Хьюго был уверен, что в любом случае ответы оказались бы отрицательными, результат уже проведенных проверок легко было экстраполировать. Ошибиться тоже было легко – достаточно хотя бы в одной библиотеке появиться своей книге... Хьюго, однако, был почему-то уверен, что этого нигде не произошло. Так люди приходят к вере, подумал он. Личный опыт, переживание, в котором так же уверен, как в том, что Земля круглая. Нет, больше. Бесконечно больше – что такое планета Земля по сравнению с тем, что ощущаешь в себе: новое, прочное, осознанное? Другие называют твоё знание верой, и ты сам привыкаешь называть верой собственное знание. Знание выше веры. В вере можно усомниться под влиянием нового, более сильного, переживания. Знание неколебимо, как гора, которую сдвинуть может только Тот, Для Кого Это Ничего Не Стоит.

Письмо из Вашингтона – Норман Говард из исследовательского отдела ФБР сообщал, что готов встретиться с мистером Мюллером по просьбе их общего знакомого Ходжсона из Библиотеки Конгресса. Завтра в полдень в Шестом корпусе на Линкольн авеню.

– Садись ужинать, – позвала Мария. – Ты не представляешь, как я проголодалась.

– Да, – пробормотал Хьюго. – Сейчас.

Он держал книгу в руках, и что-то происходило с ним. Смутное желание понять превращалось в уверенность, расфокусированная картинка приобретала четкие очертания, он не понимал, что видит, но видел – на светлой поверхности книги, как на маленьком экране. Хьюго знал, что это не так, понимал, что мозг лишь проецирует на светлый предмет то, что представлялось ему картинкой среди сменявших друг друга калейдоскопических и бессмысленных, хотя и симметричных, изображений.

– Хью, – откуда-то издали позвала Мария. – Что с тобой?

Ничего. С ним все было в порядке. Просто руки затекли, пока он держал книгу, мышцы отяжелели...

Он уронил книгу на стол и удивился, с каким громким стуком – будто свинцовый брусок – она упала.

– Что с тобой, Хью? – повторила Мария.

Он не мог сейчас сказать о том, что видел. О том, что знал.

– Может, тебе лучше полежать?

Конечно, полежать, почему он сам об этом не подумал?

Хьюго лежал на диване, глядя в потолок, на котором возникали и исчезали те же смутные картины, смазанные, совсем уже непонятные, но он все равно узнавал происходившее. Но и слова, которые он мог сказать по этому поводу, тоже смазывались, становились приблизительными, знание оставалось, а способность объяснить рассеивалась в пространстве, и знание постепенно заполнило комнату, будто воздух. Он дышал знанием, он чувствовал, как молекулы знания проникают в легкие и шуршат там маленькими острыми камешками. Стало немного больно дышать... чуть-чуть... Хьюго задержал дыхание, и молекулы знания впитались в ткани тела, усвоились ими, он открыл глаза и удивился, обнаружив, что лежит на кровати в спальне, рубашка расстегнута, Мария сидит рядом и смотрит на него испуганным, но все-таки понимающим взглядом. Горит не верхний свет, а настольная лампа на тумбочке, и оттого лицо Марии выглядит странно подсвеченным, будто луна в первой четверти.

– Тебе лучше? – спросила она.

Хьюго приподнялся, Мария положила ладонь ему на грудь, и он затих, замер, позволил ей, не сопротивляясь, снять с себя рубашку, а брюки не разрешил, застенялся, тогда она погасила лампу, и все оказалось так же естественно, как наступление ночи.

Он что-то говорил, а потом только чувствовал и понял, что имели в виду авторы эзотерических книг, когда писали об отделении астрального тела от физического. Он парил в воздухе, он обнимал Марию, он видел в темноте, он ничего не видел, ощущая восторг, он касался мыслью себя и Марии, не умея понять сейчас, кто из них кто, потому что на самом деле – это он тоже чувствовал – они сейчас были одним существом, не имеющим сознания, но разумным больше, чем когда бы то ни было.

Он парил – не только в спальне, еще и в гостиной, над книгой, которую не мог оставить без присмотра даже сейчас, и книга в темноте казалась ослепительно белой, какой была в тот первый миг, когда Хьюго увидел ее в руках Марии, стоявшей у полки с творениями Барбары Картленд.

Книга не светилась, но от нее исходил свет. Возможно, это было инфракрасное излучение, и, значит, Хьюго видел сейчас, как кошка, а может, это был далекий ультрафиолет, и тогда аналога своему зрению Хьюго не мог подобрать. Он подумал, что это не имеет значения, – нужно просто впитывать энергию, потому что...

Потому что...

Мысль застопорилась, сознание угасло и проснулось – он ощутил себя лежавшим рядом с Марией, он раскинул руки, обессиленный, и касался ее груди, а ее руки гладили его по голове и что-то говорили, но он еще не знал языка рук, хотел понять и не мог. Тогда он повернулся к Марии и увидел в темноте ее взгляд. Луч того самого света, что источала книга.

– Какая ты красивая, – сказал он.

Или подумал? Имел он в виду Марию? Или книгу?

* * *

Говард, которого Хьюго представлял энергичным мужчиной лет сорока, уверенным в себе специалистом, оказался тучным афроамериканцем, лысым, неряшливо одетым, с «пивным» животом, выпирающим из брюк, висевших на подтяжках, как на веревке для сушки белья. Лет Говарду на вид было за шестьдесят, говорил он небрежно и Марии сразу не понравился. Она крепко держала Хьюго за руку, пока они, стоя у окна, разговаривали в холле Исследовательского центра ФБР, куда их пропустили после получасовой проверки документов и выписывания пропусков. Вещи пришлось оставить в камере хранения, и только книга была с ними.

– Очень любопытно, – протянул Говард, выслушав обстоятельный рассказ и не проявляя никакого желания взять в руки предмет обсуждения. – Как-то, лет двадцать назад, один шутник вот так же примерно... это в Балтиморе было, я тогда служил в тамошнем отделении, да, так он заложил бомбу в книгу и оставил... не в библиотеке, конечно, кому нужно взрывать библиотеку, он положил книгу у постаменты памятника Линкольну, думал, наверно... неважно.

Хьюго очень не понравилось, как Говард произнес слово «библиотека» – с оттенком не столько презрения (хотя и презрение тоже присутствовало), сколько уничижительного безразличия – действительно, кому придет в голову закладывать бомбу в читальном зале, а вот у памятника...

Мария крепче сжала его ладонь, и Хьюго ответил на пожатие. Может, повернуться и уйти?

– Ну, показывайте ваш артефакт, – небрежно предложил Говард, заранее убежденный в том, что зря тратит на посетителей свое драгоценное время.

– Здесь?

– Давайте-давайте, – в голосе Говарда звучало нетерпение. – У окна виднее.

Эксперт взял книгу обеими руками, поднес к глазам – близко-близко, будто обладал способностью различить отдельные молекулы, – медленно раскрыл на первой странице (Хьюго показалось, что Говард прислушивался к шороху бумаги), взгляделся в пиктограммы, отводя книгу от глаз и приближая снова, принялся и пролистал страницы, не интересуясь, похоже, содержанием. Ему оказалось достаточно первых пиктограмм, чтобы понять остальное?

Говард перевернул книгу и внимательно осмотрел корешок. Почему-то подул на обложку и снова принялся. Тяжело вздохнул и вернул книгу со словами:

– Боюсь, молодой человек, с вами действительно сыграли шутку. Розыгрыши бывают порой такими, что и не догадаешься, зачем это нужно. Помню, в девяносто девятом женщина обратилась в Бюро с заявлением... Простите, вы что-то хотели сказать?

– Я хотел спросить, – начал Хьюго, ощущая навязчивое желание взорваться, как та бомба, подложенная к памятнику Линкольну... или бомба все-таки не взорвалась, ее успел обезвредить гениальный агент ФБР? – Я хотел спросить: почему вы решили, что это шутка?

Говард посмотрел Хьюго в глаза.

– Сэр, поверьте моему опыту. Собственно, вы за этим пришли, верно? Во-первых, бумага. Это главное, на чем спотыкаются практически все создатели фальшивых древностей. В данном же случае не было и попытки – это восьмидесятиграммовая бумага,

тип «копперплейт», сероватая, она чуть дороже обычной белой, но в определенных случаях полиграфисты предпочитают ее, если нужно, чтобы книга выглядела, будто старая. На любителя, конечно. Есть восемнадцать оттенков, включая оттенки коричневого, они чаще используются, нежели, как в вашем случае, оттенки серого.

Хьюго раскрыл было рот, чтобы сказать, что еще вчера оттенка серого не было в помине. Но он не мог заставить себя прервать лекцию специалиста, уверенного в том, что каждое произнесенное им слово – истина.

– Выпущена бумага, – продолжал Говард, – фабрикой «Корман и сыновья», Нью-Йорк, Брайтон, Южная промышленная зона, строение 4546, если вам вздумается проверить или вы захотите заказать бумагу этого типа. Кстати, там ее изготавливают качественно и дешево, поэтому многие издательства именно этот тип бумаги закупают для своей продукции, в частности, она используется в покетах, на ней обычно печатают фантастику, триллеры, любовные романы...

– Барбару Картленд? – вставила Мария.

– Что? Да, совершенно верно, мисс, Картленд в том числе. Кстати, «Мобильник», последний роман Кинга, тоже был отпечатан на такой бумаге. Дальше, господа, пару слова о клее. Кстати, обратите внимание: несмотря на толщину – здесь ведь больше пятисот страниц, верно? – блоки клееные, а не сшитые, эта технология широко используется сравнительно недавно, лет двадцать назад такую книгу невозможно было склеить так, чтобы она не рассыпалась после первого же прочтения. Сейчас применяются другие клеи, не буду вдаваться в подробности, но, как видите, клей держит вполне прилично, и книга не становится дорогой. Во всяком случае, удорожание производства на пять-десять процентов почти не сказывается на оптовой цене, поскольку типографии экономят на бумаге. Печать высокая, что тоже типично для изданий такого рода, краска черная, и, насколько я могу судить, произведена фирмой «Меддоуз», тоже ничего необычного, эта фирма поставляет типографскую краску очень многим потребителям. Иными словами, господа, можно с уверенностью сказать, что книгу отпечатали, скорее всего, в нынешнем году на самых обычных материалах и самым обычным образом склеили.

– Можно было это сделать кустарным способом? – и опять задала вопрос Мария, Хьюго так и не смог выдать из себя ни слова.

– Справедливый вопрос, на который я так же уверенно отвечу: нет, невозможно. Книгу отпечатали в одной из типографий, где выпускают покет-буки. И тираж, скорее всего, немалый, это не штучное производство.

– Необычно, верно? – Хьюго справился, наконец, со своей скованностью и задал вопрос. – Если тираж у книги большой, где остальные экземпляры? И все, вами сказанное, сэр, не дает ответа на вопрос: как книга оказалась на полке, и почему помечена кодом библиотеки?

Он так и не сказал, что книга изменила цвет, вряд ли его свидетельство могло поколебать мнение специалиста, знавшего о книгопечатании столько, что частное наблюдение дилетанта не могло играть никакой роли.

– Согласитесь, – пожал плечами Говард, – ответы на эти вопросы вы должны искать у себя в библиотеке.

– А текст? – сказала Мария. – Вы сказали о краске и бумаге. Что вы можете сказать о тексте?

– Так называемый текст как раз и ставит точку, – улыбнулся Говард. – Очень аккуратные пиктограммы. Выглядят сложными, но на самом деле нарисовать их довольно просто – на компьютере, конечно. Здесь только прямые отрезки, прямые углы, похоже на множество лабиринтов, верно? Вы утверждаете, что все пиктограммы разные? С помощью довольно простой графической программы это можно сделать, и кто-то, как видите, сделал – сам факт отсутствия одинаковых пиктограмм свидетельствует о том, что это мистификация. Будь это некий язык или попытка подделать какой-нибудь язык, в

тексте было бы довольно много одинаковых пиктограмм. На планете нет и не было языка – живого или мертвого, – в котором символы так или иначе не повторялись бы при создании осмысленного текста.

– То есть, – заключил Хьюго, забирая книгу из рук Говарда, – данный артефакт не представляет ценности ни в полиграфическом, ни в библиографическом смысле?

– Вы меня спрашивали о полиграфии. Нет, абсолютно никакой ценности. Библиография? Это не ко мне, господа. Но, если хотите знать мое мнение...

– Безусловно, – быстро сказал Хьюго.

– Вы, как библиограф, нашли бы место для этой книги в вашей библиотеке? Можете описать ее библиографическую принадлежность? Можете хотя бы сказать, что это именно текст, а не альбом с рисунками, нарисованными компьютером по программе какого-нибудь шутника?

Хьюго промолчал.

– Вот видите. Единственное объяснение – чья-то мистификация. Почему именно в вашей библиотеке? Ищите ответ у себя, в Фарго. И знаете, что я думаю? Если вы наберетесь терпения, через неделю шутник даст о себе знать. Они же делают это для паблисити, для скандала, хотят, чтобы о них говорили, чтобы имя попало в прессу. Кстати, если вы напишете заметку для городской газеты...

– Нет, – сказал Хьюго, – об этом и речи быть не может.

Он прекрасно себе представлял, что скажет директриса, если заметка о странной книге появится на странице «Фарго таймс».

– Тогда ждите, и шутник сам придет, – заключил Говард и посмотрел на часы. – Если у вас больше нет вопросов...

– Только один, – сказала Мария. – В книге триста четыре тысячи восемьсот пять пиктограмм. Столько же, сколько в иудейской Торе, Моисеевом Пятикнижии – оригинале, естественно.

– Хм... – Говард пожевал губами. – Знаете, мисс, на подобных числовых совпадениях прокальвались многие эксперты. В девяносто третьем мой коллега в Филадельфии получил для экспертизы текст, в котором было шестьсот шестьдесят шесть предложений, а каждое предложение содержало по семь слов. Было известно, кто написал текст, и смысл тоже понятен, но числовые особенности... После расследования выяснилось, что у автора нелады с психикой, числовое безумие, у которого есть психиатрическое название, я не помню... прошу прощения, психиатрия – не моя область.

– Конечно, – сказал Хьюго. – Извините, что отняли у вас время.

– Все в порядке! – воскликнул Говард и протянул обе руки для пожатия: левую – Марии, правую – Хьюго. – Рад был помочь.

* * *

– По-моему, – сказал Хьюго, когда они нашли кафе и заняли столик у окна, – она стала еще темнее. Ненамного, но все-таки... Или мне только кажется?

Он положил книгу на стол так, чтобы она оказалась под яркими солнечными лучами.

Мария провела пальцами по обложке.

– Мне тоже кажется... При электрическом освещении она выглядит темнее, а сейчас, похоже... Но ведь и Говард сказал, что бумага серая.

– Оттенок серого, – поправил Хьюго.

– Что будем делать?

– Выпьем кофе и что-нибудь съедим. А потом... Господи, вот удивительно: в руки попадает самая странная книга, какие только могут быть...

– Книга, написанная на языке Бога, – добавила Мария.

– Книга, возникшая ниоткуда, – продолжал Хьюго, не обращая внимания на подошедшую официантку, – книга, появление которой совпало с резким скачком количества информации...

– Вы смотрели этот замечательный фильм, сэр? – спросила девушка-официантка и улыбнулась Марии.

– Фильм? – нахмурился Хьюго.

– Про евреев, которые нашли древний манускрипт, и за ними начали охотиться....

– Нет, не смотрел, – с излишней резкостью ответил Хьюго. – Нам по чашке черного кофе и... Мария, что скажешь об омлете с зеленью? Значит, два омлета.

– Все, сэр? – подчеркнуто равнодушно спросила девушка.

– Пока да.

– Послушай, – сказал Хьюго, когда официантка отошла от столика, – эти фильмы... И книги, где герой обнаруживает древний – обязательно древний – манускрипт, в котором скрыта тайна, способная изменить все представления человечества... и так далее. Всегда, как верно сказала эта девушка, за обладателем манускрипта начинают охоту все, кому не лень: спецслужбы, церковь, бандиты, то самое ФБР, где работает мистер Говард, китайцы, русские... может, даже марсиане. Всем нужно или самим овладеть тайной, или скрыть ее, чтобы никто ничего не узнал и основы религии (обычно о ней речь) не оказались потрясены.

– Некоторые книги очень интересны, – Мария отодвинулась от стола, позволив вернувшейся официантке расставить чашки и тарелки. Девушка внимательно прислушивалась к разговору, будто и сама была агентом – то ли спецслужб, то ли церковной мафии. – Я с удовольствием прочитала «Код да Винчи», хотя понимала, конечно, какими источниками пользовался Браун, и что побудило его соорудить столь странную и нелепую версию.

Официантка хотела что-то сказать, но Хьюго нахмурился, и девушка удалилась, недовольно качая головой.

– И везде речь идет о древних рукописях или фолиантах, – продолжил Хьюго свою мысль. – Причем слухи бегут впереди книги. О том, что книга существует и где-то надежно спрятана – тамплиерами, францисканцами, буддийскими монахами, масонами, – известно изначально. Никто – ни автор, ни описанные им эксперты – не сомневается в древности книги, в ее сакральности. В общем, мистический фон подготовлен автором заранее, читатель с первой страницы погружен в действие. Если бы в реальной жизни кто-то где-то обнаружил подобную рукопись, разве могло произойти то, что описано в триллерах? Вот, к примеру, Рукописи Мертвого моря или Евангелие от Иуды. Разве это Евангелие не подрывает основы христианского вероучения?

– Нет, – решительно сказала Мария. – Это апокриф, как он может...

– Вот и я о том! В жизни не происходит ничего, описанного в фильмах и книгах. Любая рукопись, противоречащая любому вероучению, будет с полным основанием объявлена подделкой, на том все и кончится. А если будет доказана – на это потребуется много лет – подлинность текста, то его станут изучать ученые, долго и нудно обсуждать и оспаривать каждый знак, каждое слово. В конце концов, манускрипт окажется в музее, и на него придут глазеть тысячи посетителей, среди которых, возможно, окажутся и агенты спецслужб, которых древние тайны нисколько на самом деле не интересуют.

– Ты сам себе объясняешь, почему никто не хочет отнять у нас книгу? – улыбнулась Мария.

– Я объясняю, почему книга никому не интересна! Я представил сейчас, сколько нам придется потратить времени, чтобы заинтересовать кого-нибудь из специалистов...

– Специалистов... в каком вопросе?

– Да, ты права. Книжные эксперты в лице мистера Говарда свое слово сказали. Эксперты-лингвисты тоже высказались. И только мы с тобой...

– Только мы с тобой знаем, что у нас нет времени убеждать, – тихо произнесла Мария, чей взгляд был устремлен на книгу, по-прежнему лежавшую посреди стола между сахарницей и кофейником.

– Господи, – пробормотал Хьюго.

Может быть, туча скрыла солнце, может быть, в кафе в неурочное время включили свет? Такой была первая его мысль. Однако солнце светило так же ярко и жарко, на стол не падала тень, и свет в кафе не горел.

Книга определенно стала серой. Если бы здесь оказался Говард, он не смог бы отрицать факта: книга потемнела. Прошел всего час после разговора.

Хьюго перелистал страницы. Цвет бумаги везде был одинаковым.

– Может, ее нельзя долго держать на ярком свету? – сам себя спросил Хьюго и сам себе ответил: – Почему тогда внутри...

Он поспешно опустил книгу в рюкзак и завязал тесемки.

– Если так пойдет дальше... – прошептала Мария.

– Доедай скорее, – нетерпеливо сказал Хьюго. – Нужно найти хорошего химика...

– Которому понадобится неделя, чтобы провести анализы, – горько произнесла Мария.

– Ты прав, Хью. Никому это не нужно, никому не интересно. Книга Бога. Возможно – новая скрижаль. У меня такое ощущение, будто мы поднялись на гору Синай, и Господь вручил нам Книгу, в которой написано, как спасти человечество. Согласись, сейчас самое время. И вот мы спускаемся с новыми заповедями к народу...

– Который вовсе не ждет нас у подножия, – хмыкнул Хьюго. – Но химик нам все равно нужен.

* * *

– Мы хотим знать, обладает ли бумага свойством менять свой цвет под действием солнечного излучения, – объяснил Хьюго.

Разговор происходил в фотоателье на Пенсильвания-авеню, из окна открывался замечательный вид на Капитолийский холм и залитый лучами солнца купол, похожий на половинку яйца. Хозяин ателье, мистер Юлиус Раттенбойм, держал книгу так близко к глазам, будто взгляд его был способен не только видеть, но и поглощать материальные предметы. Мистеру Раттенбойму было лет семьдесят или больше – невысокий сухонький старичок с подвижными руками и зычным голосом, которым он отдавал распоряжения двум помощникам; один из них фотографировал семейную пару, а другой работал на машине, ежесекундно выбрасывавшей в несколько лотков цветные фотографии разных размеров. Поиск в интернете, проведенный Хьюго, когда они с Марией расположились в парке напротив Национальной галереи, показал, что в Вашингтоне осталось лишь одно ателье, где еще использовали старую фотографическую технику, – заведение Раттенбойма, открытое, как было сказано на сайте, в 1868 году.

– Обычная бумага, – пробормотал старик, уткнувшись в страницу острым носом. – Не фотографическая. Я могу провести химический анализ, если молодые люди пожертвуют четвертушкой листа.

– Нет! – одновременно воскликнули Хьюго и Мария.

– Что? – переспросил Раттенбойм, перевернув страницу и упершись взглядом в одну из пиктограмм. – Хм... Поверьте моему опыту, молодые люди, этот сорт бумаги не выгорает на солнце, он и через двадцать лет будет иметь первоначальный цвет. Качественная бумага. Я ответил на ваш вопрос?

– Спасибо, – Хьюго забрал книгу из рук старика, цепкие пальцы с неохотой разжались. – А если я скажу, что вчера цвет обложки и всех страниц был белым, а сейчас... сами видите.

– Освещение, – заявил Раттенбойм. – Электрическое освещение вырезает из спектра довольно большие области...

– Спасибо, – еще раз повторил Хьюго и, опустив книгу в рюкзак, взял Марию под руку. – Извините, что отняли у вас время.

* * *

Рейс на Фарго вылетал в десять тридцать вечера, и остаток дня они провели в отеле на Четвертой Юго-Западной улице, трехзвездочном комплексе для невзыскательных туристов из Европы. Мария предложила посидеть в холле, зачем, мол, тратить деньги, пусть и не такие уж большие, но Хьюго направился к стойке портье и снял до полуночи для мистера и миссис Мюллер однокомнатный номер на шестом этаже. Мария промолчала, а когда они поднялись в номер, поцеловала Хьюго в губы и прошептала: «Да».

Что она имела в виду, Хьюго сначала не понял, а мгновение спустя уже и ответить не мог, потому что, как пишут плохие романисты, чьи книги он просматривал, «члены его сковал ледяной холод, и в голове остановилось всякое движение мысли». Мысли действительно исчезли, как и ощущение реальности, холод же был такой, будто Хьюго оказался в камере огромного холодильника. Все, что представало перед его мысленным взором (странно: думал Хьюго сейчас исключительно штампами), вызывало единственную, но всепроникающую эмоцию – радость.

Множество реальностей не сменяли друг друга – они существовали одновременно, не взаимодействуя, не наполняя и не сминая, они просто были, и каждая впитывалась клеточками чего-то, что Хьюго не назвал бы мозгом, поскольку не знал сейчас никаких определений. Просто были. Просто впитывались.

Это было... Он не мог сказать. Не мог подумать. Он только ощущал, что становится другим. Каким? Он не знал. Радость делает человека лучше? Или, может быть, опускает? Возможно, переживание радости нейтрально к прочим ощущениям и смыслу человеческого существования?

Постепенно исчезал и холод. Тепло же не ощущалось, как не ощущается воздух, которым дышишь.

Вернулась тяжесть, и Хьюго, не ожидавший такого коварства, начал нелепо заваливаться набок – он бы и упал, ударившись лбом об угол кровати, но Мария успела его подхватить. Удержать, однако, не смогла и повалилась вместе с ним на пол, увидев близко-близко широко раскрытые и глядевшие вдаль глаза, сфокусированные на чем-то очень далеком, скрытом, возможно, за горизонтом, который только Хьюго и мог разглядеть в тесной, заставленной мебелью комнате отеля.

– Господи, – бормотала Мария, – что с тобой, мой хороший, почему ты так смотришь, что случилось, скажи, ты слышишь меня, ты меня видишь, у тебя болит что-нибудь, тебе плохо, скажи, пожалуйста, какой ты тяжелый, давай, я положу тебя на постель, вызову врача...

– Не надо, – пробормотал Хьюго и попытался подняться. Получилось это у него не сразу, но с помощью Марии, поддерживавшей его за плечи, Хьюго сел на кровати, и только после этого к нему полностью вернулись зрение, слух, осязание и реальность, данная нам в ощущениях, – в такой именно последовательности.

– Я тебя напугал? – улыбнулся он Марии, стоявшей перед ним на коленях. Хьюго поцеловал ее в заплаканные глаза, усадил рядом с собой, взял ее руки в свои и долго молчал. Мария тоже не произнесла ни слова, понимала: нельзя.

– Теперь я... – сказал Хьюго и опять смолк, потому что хотел сформулировать, кем он себя сейчас ощущает. Неожиданно он понял, что формулировке и, тем более, объяснению его состояние не поддается. Он никогда не сможет рассказать всего, что вошло в него (в сознание? нет, глубже, в подкорку, в бессознательное, в его «я») за те недолгие мгновения, когда он только и успел, что упасть на колени, а потом подняться, поддерживаемый не столько руками Марии, сколько ее страхом.

– Ты... – сказала Мария, понимая, что человек, сидевший рядом, не тот Хьюго Мюллер, который вошел в ее жизнь всего-то два дня назад и которого, как ей казалось, она успела неплохо узнать, точнее – почувствовать, понять, привязать к себе.

– Когда все уляжется... – медленно произнес Хьюго. – Хотя для этого потребуется очень много времени... Может, вся жизнь...

– Уляжется... что?

Хьюго обнял Марию и положил голову ей на плечо.

– Мы с тобой будем жить счастливо и умрем в один день, – сказал он.

– Да.

– Это не книжная фраза, – его пальцы сжали ладонь Марии, ей стало немного больно, но странным образом боль помогла ей понять, что Хьюго имел в виду. Каждое сказанное им слово имело не только прямой смысл, но множество других, ей понятных, но невинных для любого, кто смог бы подслушать их странный, клочковатый, на слух бессмысленный разговор.

– Да, – повторила она.

– Трое.

– Конечно.

– Домик в Фарго и путешествия.

– Много.

– И никому мы...

– Это точно.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, – эхом повторила Мария, но слова эти не были простым отражением в зеркале, они были наполнены совсем другим смыслом. Женщины любят не так, как мужчины, сказала Мария, и моя любовь совсем не такая, как твоя, ты должен это знать и принять, чтобы в будущем мы понимали друг друга, как сейчас.

– Конечно, – сказал Хьюго.

– Господи, – сказал он, – как я устал... Эти картины... Чувствуешь себя кастрюлей, в которую под самую крышку натолкали разных овощей, фруктов, кусков мяса, теста, еще чего-то, важного для приготовления пищи, потом крышку закрыли и придавили чем-то тяжелым, чтобы ничто не вытекло, не выползло, не...

Хьюго замолчал. Мария склонилась над ним – он спал, раскинув руки и тихо посапывая, как младенец. Под крепко сжатыми веками медленно двигались глазные яблоки – возможно, Хьюго смотрел сон, а возможно, рассматривал одну из картин, вошедших в него, когда книга...

Книга!

Прикрыв Хьюго до пояса покрывалом, Мария подняла рюкзачок, показавшийся ей неожиданно легким, невесомым даже, будто в нем ничего не...

Книга была на месте, и Мария достала ее на свет – будто облитую смолой, черную, словно ее долго держали в пламени, черную, как Квадрат Малевича, черную, как врата Ада, черную, как тень души грешника, черную, будто это не книга была, а пепел знаний Господних. Книга была черна, как отсутствие.

Слезы стекали по щекам Марии и капали на книгу – бум, бум... – только этот звук и был слышен в комнате, слезы падали на обложку, но она оставалась сухой, как пустыня, и Мария поняла, что звук, отдававшийся эхом в висках, был на самом деле стуком ее сердца.

Она перелистала страницы. Черные, черные, черные. Черные буквы исчезли на черном фоне, книга стала проклеенной пачкой черной бумаги, в какую когда-то заворачивали непроявленные фотографии.

Разве не этого они оба подсознательно, не говоря вслух, ожидали еще с того момента, когда Хью показалось (только показалось), что обложка больше не ослепительно белая?

Бог продиктовал Моисею Тору и заставил еврейского пророка запомнить и донести до людей каждую букву, каждое слово, каждую фразу и каждый, только Творцу понятный смысл.

Сейчас Бог явил людям свою новую Книгу – на время, чтобы новый Моисей успел запомнить и поведать человечеству, для чего людям жить на новом этапе.

Положив черный предмет, который даже мысленно она больше не могла назвать книгой, на подушку, будто в витрину музея, Мария скинула обувь и с Хьюго стянула туфли, легла рядом, ощущая над головой черноту то ли бумаги, то ли собственного небытия, взяла Хьюго за руку, закрыла глаза и, должно быть, уснула мгновенно, потому что в следующий момент шла, держа любимого под руку, по центральному проходу длинного и высокого церковного зала, на хорах играл орган, а впереди, у амвона, ждал священник, готовый соединить их жизни, чтобы они были вместе в радости и горе, и умерли в один день.

* * *

Проснулась Мария от надоедливости звона и одновременного стука в дверь. В комнате было светло, солнечный свет слепил глаза, и Мария пошла на звуки. Сначала на стук – она повернула ключ, и в комнату вошел мистер Пиквик, точно такой, каким Мария его помнила по иллюстрации к книге, читанной в детстве, это было адаптированное издание, и мистер Пиквик тоже был адаптированный, в нем чего-то не хватало, зато вдоволь было улыбочности и внутренней радости.

– Я только... – начал мистер Пиквик, но Мария уже отозвалась на другой звук, подняв телефонную трубку.

– Миссис Мюллер? – сказал второй мистер Пиквик, не поднявшийся на шестой этаж, а оставшийся за стойкой портье.

Мария не сразу поняла, что речь идет о ней. Это она миссис Мюллер? Да, так ее записал Хью... когда? Сколько времени прошло после того, как они вошли в номер и заперли дверь?

– Да, – сказала она.

Мистер Пиквик у двери слушал и медленно кивал.

– Прошу прощения, что напоминаю, – сказал мистер Пиквик-портье, – но у вас уплачено до полуночи. Если вы хотите снять номер еще на сутки...

– Сколько сейчас времени? – спросила Мария, и мистер Пиквик у двери недоуменно поднял очи горе.

– Девять часов сорок три минуты, – не удивившись вопросу, сообщил портье.

Значит, они проспали почти четырнадцать часов. На самолет, конечно, опоздали. Хью, свернувшийся калачиком, медленно повернулся, открыл глаза и приподнялся на локтях, удивленно разглядывая мистера Пиквика, улыбавшегося и кивавшего, подобно китайскому болванчику.

– Мистер Мюллер скоро спустится, – сообщила Мария, и портье, удовлетворившись информацией, пожелал доброго утра. В трубке щелкнуло.

– Собственно, – сказал мистер Пиквик, застрявший в дверях, – я хотел спросить то же самое.

Хьюго, все еще не выбравшийся на берег из болота сновидений, разглядывал мистера Пиквика, как необыкновенное чудовище, и Мария сказала:

– Вы же слышали.

– О, да, – согласился мистер Пиквик и, отступив в коридор, закрыл дверь.

Хьюго сел на кровати, свесив ноги, черный параллелепипед лежал у него на коленях. Мария подошла и села рядом.

– Мы опоздали на самолет, – сообщил Хьюго. Пальцы его гладили края бывшей обложки, он ожидал ощутить космический холод, но это была всего лишь черная бумага хорошего качества.

Они не разговаривали друг с другом. Любые слова казались лишними, потому что без слов было понятно, что нужно собрать вещи (Мария так и сделала), одеться (Мария поправила на Хьюго галстук, который он захватил с собой, но ни разу вчера не надел), положить в рюкзак черную стопку проклеенной бумаги (Мария подумала, что никогда

больше не сможет назвать ее книгой) и спуститься в холл, чтобы заплатить за дополнительные сутки и заказать билет на сегодняшний рейс.

Самолет, как вчера, вылетал вечером, и они весь день бродили по городу, зашли в кафе, чтобы молча поесть, несколько раз проходили мимо фотоателье Раттенбойма и мимо длинного здания ФБР.

Хьюго был сосредоточен и так углублен в себя, что Марии приходилось придерживать его за локоть, когда на светофоре зажигался красный, и подталкивать, когда вспыхивал зеленый. Весь день он вел себя, будто робот, прислушивавшийся к внутренней программе, или, скорее, как зритель, все внимание которого поглощено рассматриванием гениальных картин или фильмов.

В самолете Мария обернула ноги Хьюго пледом и подложила под его голову подушку. Он заснул сразу и проснулся через час, когда колеса коснулись посадочной полосы.

В аэропорту было шумно, и они поспешили на улицу, где взяли такси. Сели на заднее сиденье, и водитель включил счетчик, бросив на пассажиров вопросительный взгляд. Такой же взгляд поднял на Марию Хьюго, и она прервала затянувшееся молчание:

– У нас остались две копии, верно? Книга не пропала. Поедем к тебе.

Когда они вошли в квартиру, Хьюго поставил рюкзак у двери, медленно прошел в комнату и опустился в кресло, не глядя, как Мария спешит к столу, достает из ящика пластиковую папку...

– Ты знал? – растерянно сказала Мария. – Ты предполагал? Ты думаешь, что и второй экземпляр...

В папке лежала толстая стопка белой бумаги.

– Да, – кивнул Хьюго. – Можно, конечно, проверить, но это так.

Белая бумага лежала и во второй папке.

Хьюго сел перед ноутбуком и, нервничая, нажал нужные клавиши. Он знал, чего ждать, но надеялся... Всегда остается надежда. Надежда умирает последней.

Нет. Папка, в которую он записал отсканированные файлы книжных страниц, была пуста.

– Можно спросить, – пробормотал Хьюго. – Я посылал запросы и прикладывал файл со сканом страницы. Возможно...

Он знал, что это не так.

– Почему? – спросила Мария.

Она понимала, что Хьюго не мог знать ответа – вопрос спросился сам собой.

– Потому, – сказал Хьюго, – что не могло быть иначе.

Ответ показался Марии исчерпывающим.

– Книга, – поняла она, – в твоей голове. Вся. Как Тора – в голове Моисея, спустившегося с Синая к своему народу.

Хьюго покачал головой.

– Да, – сказал он. – И нет.

Почему-то Марии была понятна и эта фраза, отрицавшая сама себя.

Хьюго принес рюкзак и, достав черные листы, положил их на белые. Ночь легла на день.

– Мне должны позвонить, – сказал Хьюго. – Еще вчера должны были. Почему не звонят?

– Кто? – удивилась Мария. – Ты думаешь, позвонит Говард?

Покопавшись в рюкзаке, Хьюго нашел мобильный телефон.

– Вот голова... Я же выключил его, когда мы вошли в здание ФБР. Представляешь? А я еще удивляюсь, почему нет звонка.

Он включил аппарат, и звонок раздался почти сразу, будто кто-то специально дожидался, когда Хьюго, наконец, вспомнит.

– Мистер Мюллер, наконец-то! – хриплый баритон был Хьюго не знаком, но он не ошибся, ответив:

– Прошу прощения, профессор Аллен.

Хьюго включил внешний динамик, чтобы Мария тоже смогла слышать.

– Книга у вас? – нетерпеливо сказал председатель попечительского совета библиотеки, ректор университета Фарго.

– Д-да, – протянул Хьюго, – но...

– Приезжайте, – не пригласил, а приказал главный попечитель и даже не сказал – куда, полагая, что Хьюго и сам это знает.

– Я... не один.

– Не имеет значения, – голос был нетерпелив. – Главное – привезите книгу.

Чтобы не слушать возможных (хотя и маловероятных) возражений, ректор отключился.

– Кто это? – спросила Мария. – И почему он говорит так, будто...

– Будто имеет право приказывать? Это профессор Генри Аллен, муж нашей директрисы, председатель попечительского совета библиотеки. Он ректор нашего университета, ты должна его знать, он подписывал твоё назначение, а профессор имеет привычку лично беседовать с каждым, кого принимает на работу.

– Вспомнила, – кивнула Мария. – Наша, как ты говоришь, беседа продолжалась пятнадцать секунд. Я вошла, он встал из-за стола, высокий, стройный, с усами а-ля Пуаро и трубкой в зубах а-ля Черчилль. «Мисс Барбьери, – сказал он, выйдя навстречу, протянув руку и пожав мне кончики пальцев, – рад поздравить, вам у нас понравится, уверен». Кивком дал понять, что аудиенция окончена, и повернулся ко мне спиной. Я тоже повернулась и вышла.

– В этом весь ректор, – улыбнулся Хьюго. – Резкий, но, говорят, хороший ученый. Я видел его раз пять или шесть. Первый – при таких же обстоятельствах, как ты. А потом несколько раз на заседаниях попечительского совета, куда меня приглашали, когда обсуждались инвестиции в новое компьютерное обеспечение.

– Он хочет тебя видеть? Зачем?

– Нас, – поправил Хьюго. – Пойдем, ждатель ректор действительно не любит. Честно говоря, не понимаю, почему я сразу к нему не обратился. Хотя нет, понимаю, конечно: мне это и в голову не пришло, потому что я знал – больше пятнадцати секунд профессор и слушать не станет.

В доме на Четвертой Южной улице свет горел только на втором этаже. Хьюго позвонил, и на пороге возник высокий силуэт – осанистая фигура на фоне ярко освещенной прихожей.

Ректор сначала пожал руку Марии, сказал, что она прекрасно выглядит, и ей очень идет синее платье, оно отлично подчеркивает ее замечательную фигуру, и он надеется, что ее работа по исследованию структуры верований индейцев племени сиу проходит успешно. Повернувшись затем к Хьюго, Аллен сказал жестко:

– Вы должны были сразу обратиться ко мне, а не искать правды в Вашингтоне. Вы действовали, как гуманитарий, в то время, как проблема чисто физическая.

– Я библиотекарь, а не физик, – пробормотал Хьюго, чувствуя, насколько неубедительно звучат его слова.

– Вот именно, – отрезал ректор и, повернувшись к гостям спиной, направился к лестнице. Обменявшись взглядами, Хьюго и Мария последовали за хозяином, ни разу не обернувшись, пока они не поднялись на второй этаж, прошли по коридору мимо висевших на стенах картин то ли с репродукциями, то ли с оригинальными работами европейских художников, скорее всего, восемнадцатого века. Хьюго не считал себя знатоком живописи, полотна были ему не известны, а Мария пробормотала, когда они проходили мимо большой – метр на полтора – картины: «Господи, Питоккетто, «Портрет монахини»».

Показалось Хьюго или на самом деле в одной из комнат, где горела настольная лампа, выхватывая из темноты светлый круг, сидела в кресле и проводила их взглядом миссис Аллен, ничего, однако, не сказавшая и не вышедшая, чтобы присоединиться к гостям?

Кабинет, куда они вошли, был обставлен тяжелой, времен президента Мак-Кинли, мебелью, покрытой темным лаком; плоский экран компьютера на огромном письменном столе выглядел анахронизмом, переворачивая с ног на голову представления о времени и пространстве. Горели бра, создавая такие же тяжелые, как мебель, тени – возникло единство неживого с живым, и Хьюго проникся этим ощущением, когда они с Марией уселись в глубокие кожаные кресла, а ректор занял свое место, утратив величие на фоне стоявшего за его спиной книжного шкафа, к которому у Хьюго мгновенно возникло благоговейное отношение, поскольку он разглядел оригинальные, судя по корешкам, издания Фейнмана, Эйнштейна, Эддингтона и даже сэра Кельвина.

В этой обстановке Хьюго почувствовал себя равным хозяину кабинета. Здесь можно было говорить свободно, даже если ректор начнет надувать щеки и командовать, как он, похоже, привык не только на своем рабочем месте, но и в домашней обстановке.

– Покажите, – Аллен протянул руку и Хьюго, поднявшись, ибо иначе было не дотянуться, вложил в нее черную кипу бумаги.

– Та-а-к, – неожиданно в левом глазу ректора возникла лупа, подобная той, которой пользуются часовщики – Хьюго не заметил, когда Аллен успел достать ее и нацепить наподобие монокля.

– Та-а-к, – тянул профессор на разные лады, рассматривая черную бумагу, перелистывая черные страницы и шупая черную обложку.

Похоже, он не был удивлен. Или привык относиться к любой неожиданности с хладнокровием исследователя?

Ректор положил бумагу на стол, спрятал лупу в ящик стола и спросил – не у Хьюго, а у Марии:

– Мисс, это ваша находка?

– Да, я нашла книгу на полке с романами Картленд.

Аллен повернулся к Хьюго:

– Это произошло через два часа после подключения системы к международной библиотечной сети?

– Книга могла появиться раньше, в том числе... я думаю, так и было... непосредственно в момент подключения.

Ректор кивнул и повторил:

– Думаю, это произошло в момент подключения.

– Вы допускаете, – осторожно сказал Хьюго, – что причиной появления книги могло стать скачкообразное увеличение информации...

– Причиной? – ректор говорил медленно, обдумывая каждое слово, прежде чем произнести его вслух. – Скорее – поводом. Спусковым механизмом. Катализатором процесса.

– Вы... – в горле у Хьюго пересохло, и он откашлялся. – У вас есть гипотеза, которая...

К его удивлению Аллен покачал головой и поднял на Хьюго взгляд, оказавшийся неожиданно острым и теплым, внимательным и понимающим.

– Если бы вы сразу принесли книгу на факультет... – мягко, но так, будто это было сказано тоном, не вызывающим сомнений, произнес ректор. – Если бы вы обратились ко мне... Мистер Мюллер, вы действовали, как библиотекарь, как гуманитарий, а не как физик...

– Я думал... – пробормотал Хьюго. – Я хотел...

Одним движением Аллен отмел предположения Хьюго.

– Радиометка была активирована, и вы не смогли произвести деактивацию, – сказал ректор. Он не спрашивал – просто рассуждал. – Мне сказала Лиз. Вы не пробовали сделать это сейчас?

Хьюго покачал головой. Аллен кивнул.

– Утром мы это проверим, хотя в результате эксперимента я и сейчас уверен. Полагаю, вы тоже. Дальше. Нужно было сразу отдать на экспертизу – на физическом факультете есть современная аппаратура – какой-нибудь фрагмент книги.

– Я... – возмущенно начал Хьюго, но ректор не дал ему договорить.

– О том и речь, – сказал он жестко. – Вы рассуждали, как библиотекарь, для вас самое важное – книга, как единица хранения, книга, как носитель информации, книга, как культурное явление. А это, – он приподнял и опустил на стол черный бумажный блок, – физическое тело определенной массы и свойств, которые нуждались в исследовании. Понимаете? Сначала – физика, сущность. Потом – оболочка, смысл.

– Смысл – всего лишь оболочка? – изумился Хьюго.

– Смысл, – кивнул Аллен, – создается знаками, которые – вы и сами знаете – еще очень далеки от понимания. А знаки, которые для вас составляют смысл, написаны на бумаге, которая...

– Но я... мы с синьориной Барбьери обращались к специалистам!

– К каким? – с интересом спросил ректор.

Хьюго рассказал. О мистере Говарде он сейчас вспоминал с теплотой, как о человеке, понявшем их проблему, мудром и много знающем. Вспомнил смущенную улыбку Раттенбойма и его осторожные прикосновения.

Ректор кивал, переводил взгляд с Хьюго на Марию, и она подтверждала сказанное, хотела что-то добавить, но не решалась, потому что Аллен всякий раз поднимал палец, как только она собиралась произнести слово.

– Специалисты, – пробормотал ректор, когда Хьюго закончил рассказ. – Один по книжным фальшивкам, другой – по фотобумаге, которая уже почти не используется, а в книжном бизнесе – по-прежнему.

Хьюго молчал. Да, он библиотекарь, гуманитарий, книга для него – единица хранения, все так. Но неужели профессор Аллен, рафинированный интеллект, не понимает, что нанести хотя бы царапину... кощунство, о котором даже подумать нельзя, и вся физика с ее синхротронами, инфракрасной техникой, рентгеновскими аппаратами и магнитогидродинамическими... как они там называются... приборами, вся бесконечно мощная физика ничего не может сказать там, где смысл и суть, и важность для человечества скрываются не в бумаге, не в структуре вещества, а в нанесенных на поверхность знаках? Их нужно было сохранить, их исследовать, их понять, вот почему он действовал так, как действовал.

Библиотекарь, да.

И что?

– Любопытный физик, – вздохнул ректор, – увидев, как темнеет бумага, подумал бы прежде всего о том, что этот процесс, как всякий естественный распад, имеет экспоненциальный характер. В данном случае, период полураспада составил около полутора суток, и теперь только по этим очень неточным и косвенным числам возможно судить о динамике явления.

Воспользовавшись тем, что Аллен опять взял бывшую книгу в руки и принялся разглядывать на свет каждый ее лист, Мария сказала:

– Это книга Бога. Она написана... была написана на языке Бога. Он дал нам книгу на время. Что физика может сказать о том, почему исчезли знаки на ксерокопиях? Почему исчезли файлы из компьютера? Это мистический процесс.

Ректор бросил бумагу на стол и сказал с раздражением:

– О, разумеется, мистический. Божественный. Высшие силы и все такое. Надеюсь, вы не выбросили бумагу.

– Как вы можете! – задыхнулась от возмущения Мария.

– Ах, – ректор махнул рукой. – Конечно, бумагу, на которой были ксерокопии, нужно тщательно исследовать. Ясно, что вещество и там имело такой же период полураспада. Проблема в том, чтобы выяснить, каким образом атомные свойства вещества книги

могли... Да, это очень интересный вопрос. И его тоже, к сожалению, по вашей вине, господа, придется решать *a posteriori*, что, вы, надеюсь, понимаете, очень сильно усложняет... А может, и делает невозможным...

– Это книга Бога, – упрямо повторила Мария.

Ректор поднял, наконец, взгляд и внимательно рассмотрел крестик у Марии на шее.

– Вы католичка, – это было утверждение, а не вопрос, и Мария не стала отвечать.

– Католичка, – задумчиво повторил Аллен, не осуждая и не одобряя. – Могу представить, как церковь стала бы использовать книгу.

– Церковь, – с горечью сказал Хьюго, не подумав, что перебивает ректора, – книгой не заинтересовалась.

Аллен кивнул.

– Естественно. Вы сообщали в письмах, что текст написан на современной бумаге, верно? Явная подделка, это вам любой епископ скажет, не задумываясь. Подделки церковь не интересуют. Впрочем, церкви не интересны и подлинники, если они противоречат доктрине. Поэтому церковь так равнодушна к множеству нынешних литературных подделок, включая Дэна Брауна, – в случае с Брауном, правда, они вынуждены были отреагировать, потому что этого ожидала паства, но быстро поняли свою ошибку и больше ее не повторяли.

Хьюго вспомнил разговор с Марией о книгах, подрывающих основы религии. Молчание – лучшая политика.

– Бог, – упрямо сказала Мария, – дал нам на время книгу, и мы не сумели понять смысл. Моисей сумел...

– Бог говорил с Моисеем на арамейском, – усмехнулся ректор.

– Бог всегда говорит с людьми на своем языке! – воскликнула Мария. – Были люди, понимающие язык Творца – Моисей, Исая, Даниил, древние пророки. Другие не понимают, язык Бога для них – абракадабра. Значки. Пиктограммы.

Ректор слушал внимательно и не перебивал. По выражению его лица невозможно было понять, как он отнесся к выпадку Марии. Впрочем... Ясно – как. Физический мир противостоит миру Божественному. Всегда противостоял.

– Книга появилась в момент подключения библиотеки к системе, – вернул Хьюго разговор к началу. – Значит, в других библиотеках в тот момент, когда они...

– Вы посылали запросы, верно? – ректор повернулся к Хьюго всем корпусом, задев локтем черный параллелепипед, отчего бывшая книга едва не упала на пол – Аллен остановил движение на самом краю, подтолкнув склеенные листы к центру стола. – Сколько ответов вы получили?

– Думаю, больше двухсот.

– И нигде...

Хьюго покачал головой.

– Наверно, – сказал он, – где-то еще не обратили внимания, где-то пока не обнаружили.

– И вы, конечно, не подумали о том, что, если книга действительно стала результатом скачкообразного увеличения информации в замкнутой системе, то произойти этот процесс должен один раз, а не всякий, когда к системе подключается новый абонент. Вот граница, – он придвинул к себе лежавший справа от него большой блокнот, вытащил из стаканчика фломастер и нарисовал кривую окружность. – Здесь, внутри круга, который все время расширяется, идет накопление информации, рост негэнтропии. Наконец, радиус круга достигает критического значения, и старая информация, как вы утверждаете, начинает порождать новую. Возникает книга. Или текстовый файл. По вашей гипотезе, это непрерывный процесс. Это похоже на зарождение жизни из органического вещества. Зародившись, жизнь затем развивается независимо.

– Что-то вроде, – неуверенно произнес Хьюго.

– Но возможен другой подход, – увлеченно продолжал ректор. – При скачкообразном увеличении информации, как в нашем случае, явление правильнее описывать квантовыми

законами. И тогда физическая система, обладающая некоторым количеством негэнтропии, упорядоченности – иными словами, содержащая растущее количество информации, – достигает критического значения, когда количество информации увеличивается на единицу, квант. Потом опять наступает долгий или короткий процесс накопления, аккумуляции. Понимаете? Судя по тому, что вы рассказали, процесс развивается именно по квантовому сценарию. Согласны?

– А вы, – Хьюго больше не чувствовал себя гостем, он имел такое же право на собственное мнение, как хозяин, – вы, значит, согласны с тем, что книга стала результатом информационного скачка?

– Нет, – не задумавшись ни на секунду, отрезал Аллен. Видимо, он уже обдумывал эту проблему и пришел к выводу, который представлялся ему естественным с физической точки зрения. – Ваши рассуждения, возможно, имеют смысл, но книга – это не только информация, это еще материальный носитель. Знание о чем бы то ни было может возникнуть в голове самопроизвольно, интуитивно, как решение проблемы, над которой долго и, казалось бы, безнадежно думаешь. Озарение. Информация, возникшая из ничего, верно? Но книга сделана из бумаги, изготовленной, как вы сами выяснили, на современном комбинате, и клей вполне материальный, и краска... Они-то откуда взялись, если справедлив закон сохранения массы?

– Вы хотите сказать, что кто-то все же пришел в библиотеку...

– То есть, возвращаемся ли мы к версии о безумном мистификаторе? Нет, поскольку она противоречит простому факту – кто бы ни внес книгу в хранилище, он должен был пройти мимо охраны, и радиометка зазвенела бы.

– Он мог войти через служебные помещения, – неуверенно произнес Хьюго.

– Тогда это сотрудник библиотеки, – подхватил Аллен. – Вы знаете в библиотеке каждого – кто способен на подобную мистификацию?

– Никто, – сказал Хьюго. – Я думал об этом, перебирал... Никто.

– Но книга – вот она! – в отчаянии продолжал он. – Ее не было, и она появилась! На неизвестном языке! На обычной бумаге! Без названия! С меткой библиотеки!

– Да, – кивнул ректор. – Замечательная проблема, верно? Я полагаю – сугубо физическая. Скажите, мистер Мюллер, у вас когда-нибудь пропадали вещи... так, вдруг? Ищите галстук и не можете найти, хотя уверены, что повесили его на дверцу шкафа. Точно помните, но... А потом находите галстук висящим на спинке стула, куда вы его повесить никак не могли, потому что это противоречит всем вашим привычкам. Или вообще не находите, и галстук исчезает, будто украденный злоумышленником. Или обратный случай: вы обнаруживаете вещь, которой, как вы знаете, у вас не было. Чьи-то очки на диване... Лишний пакет молока в холодильнике... С вами случалось такое? Уверен, что случалось, со всеми случается, никто не обращает внимание... мелочь, память подвела. Случалось, верно?

Хьюго пожал плечами. Месяц назад он обнаружил дома на полке два стоявших неподалеку один от другого экземпляра книги Гринспена «Эпоха потрясений» – размышления знаменитого экономиста. Эту книгу он купил в феврале в магазине Хассе на Седьмой Северной улице, когда шел пешком из только что открывшегося нового здания библиотеки. Была прекрасная погода, и он хотел подышать свежим воздухом, в помещении был еще силен запах краски, особенно в служебных помещениях.

А второй экземпляр... Подумав, Хьюго решил тогда, что купил его позже, забыв о том, что уже приобретал книгу. Где купил – он не помнил, но память странная штука, порой забываешь даже то, что произошло час назад.

– Да, – сказал Хьюго, – случалось. Всего не упомнишь.

– Вот-вот! – подхватил Аллен. – Все ссылаются на забывчивость. Между тем, квантовая физика сейчас пытается объяснить такие явления существованием множества почти одинаковых миров, которые время от времени, когда возникают соответствующие условия, склеиваются... Я не сторонник этой идеи, она нарушает принцип Оккама, а это

основа науки. Но многие, в том числе известные физики, такие, как Гелл-Манн, Уилер, Вайнберг... эти имена вряд ли вам известны...

Конечно. Он ведь библиотекарь, а не физик.

– «Кварки и ягуар» Гелл-Мана, «Дом во Вселенной» Уилера, «Слава и террор» Вайнберга, – назвал Хьюго.

– О... Простите, вы не физик, да, но вы библиотекарь. Короче, эту гипотезу тоже нельзя сбрасывать со счетов. Правда, она не объясняет, почему книга так стремительно эволюционировала.

– Никакая гипотеза не объяснит этого, – голос Марии прозвучал неожиданно и звонко, мужчины обернулись, – потому что книга – дар Божий.

Она встала.

– Хью, – сказала Мария. – Я устала. Я пойду, иначе упаду со стула. Вы оба не понимаете. Вы пытаетесь объяснить и путаетесь в противоречиях. Я пойду, пока вы не запутались окончательно.

– Подожди, я...

Хьюго переводил взгляд с Марии на ректора – он хотел доспорить, он впервые встретил такого заинтересованного, эрудированного собеседника. Оппонента. Вдвоем они могли бы разобраться.

– Мисс Барбьери права, – Аллен вышел из-за стола, видно было, что и он устал, едва держался на ногах и вынужден был опереться на столешницу. – Отдохните, а утром мы проведем эксперимент, о котором договорились. И продолжим разговор. Хочу еще сказать: на очередном заседании попечительского совета я попрошу ввести должность главного библиографа-консультанта – у нас есть на это деньги, – и предложу вашу кандидатуру. Лиз меня поддержит, а остальные, конечно, не станут возражать. Спокойной ночи, библиотекарь. Спокойной ночи, синьорина.

Хьюго протянул руку и взял стопку черных листов.

– Вы можете оставить... – начал Аллен, но Хьюго бросил бумагу в рюкзачок, взял Марию под руку и направился к двери, забыв попрощаться или подумав, что попрощаться бессмысленно, если через несколько часов все равно предстоит встретиться.

Они шли по коридору, и в одной из комнат Хьюго увидел женщину, сидевшую в кресле под торшером и читавшую то ли журнал, то ли большую книгу в мягкой обложке. Миссис Аллен подняла голову и едва заметно улыбнулась – Хьюго не был уверен, что улыбка предназначалась ему. Скорее всего – Марии.

На секунду он замедлил шаг. Может, все-таки предупредить миссис Аллен о том, что однажды вечером на выезде с бульвара Альбрехта... Жизнь ее станет кошмаром ожидания, если она поверит.

Нет.

Ректор проводил их до входной двери и, когда Хьюго поворачивал ручку, спросил:

– Глобальное потепление так и будет продолжаться, пока не уничтожит человечество?

– Нет, – ответил Хьюго, не задумываясь и даже не дослушав вопрос. – Все закончится благополучно. Уровень океана поднимется на два с половиной сантиметра, береговая часть африканских стран окажется затоплена. А потом начнется похолодание, новый ледниковый период.

– Когда? – спросил Аллен. Он стоял, сложив на груди руки, и вопросы задавал жестким тоном, как следователь в полиции.

Хьюго молчал. Не то чтобы он не знал ответа, но что-то удерживало его от того, чтобы произнести вслух два-три слова. Он хотел сказать. И не мог.

– Когда закончится глобальное потепление? – голос Аллена стал еще более жестким, даже грубым, будто доброго следователя на допросе сменил злой, готовый упрятать задержанного в камеру, если ответ не будет дан немедленно. – При жизни нашего поколения? При наших детях?

– Не... могу сказать...

– Не знаете или не можете сказать?

– Сказать... не могу.

Ректор кивнул.

– Простите, – сказал он, – что я так... Теперь вы понимаете, что произошло с книгой?

Он знал. Он знал еще тогда, когда бумага только начала темнеть. Это было смутное ощущение, беспокойство, которому он находил объяснения, не сопоставимые с реальностью. Он знал, но не знал, что знает. Чувствовал, но не понимал своих ощущений. Вопрос ректора выбросил из подсознания ответ, как выбрасывает ответ автомат при нажатии на нужную кнопку.

* * *

Взявшись за руки, они шли по улице, оставив машину возле дома Алленов. Когда проходили мимо спрятавшегося в ночной тени мусорного бака, Хьюго остановился.

– Что? – спросила Мария. – Ты что-то вспомнил?

Хьюго достал из рюкзака стопку бумаги и, взвесив на руке, размахнулся.

– Хью! – вскрикнула Мария.

Черные страницы разворачивались и шелестели в полете.

– Хью! – кричала Мария.

Невидимая в темноте, бывшая книга шлепнулась обо что-то и осталась в прошлом.

– Хью... – шепот был почти не слышен.

– Ты все сделал правильно, – сказала Мария, когда они прошли несколько кварталов, всякий раз сворачивая то направо, то налево. – Теперь мы уже не найдем это место.

– Не найдем, – согласился Хьюго.

– Где мы? – спросила Мария. – Я плохо знаю город.

Они стояли на перекрестке – впереди сверкала реклама супермаркета «Дэнни», слева и справа уходила в темную даль улица, название которой светилось на указателе: «Южная Элм-стрит».

– Ты знаешь, где это? – спросила Мария.

Хьюго кивнул.

* * *

Когда они пришли домой, небо на востоке было серым. Две темные фигуры на фоне светлевшего окна застыли посреди комнаты, прижавшись друг к другу. Целовались? Может быть. Что-то говорили? Возможно. Молча смотрели в глаза? Скорее всего.

Когда взошло солнце, Мария поймала отражение в глазах Хьюго и, ослепленная, поняла, как мало ей было нужно для счастья.

– Мы будем счастли... – начала она, и Хьюго не позволил ей договорить, закрыв рот поцелуем.

– Ты не хочешь сказать или не знаешь? – спросила Мария много времени спустя, когда все мысленные клятвы были даны и повторены многократно.

Хьюго гладил ее безнадежно своевольные волосы. Мария не стала повторять вопрос – ей было слишком хорошо сейчас, чтобы думать о далеком будущем, а в ближнем она была уверена.

– Что ты скажешь ректору? – спросила она.

– Ничего.

– Он будет тебя ждать.

– Проходя мимо, я с ним поздороваюсь.

– Он тебя уволит!

Хьюго покачал головой.

– Хью... – Мария задала, наконец, вопрос, всю ночь вертевшийся у нее на языке. – Хью, ты знаешь все, что будет с нами? С людьми? С миром? До конца времен?

– Может быть, – Хьюго был сосредоточен, он ждал этого вопроса и хотел ответить правильно, так, как чувствовал. – Я знаю, когда меня спрашивают. Или когда сам спрашиваю себя. Но вопрос нужно задать правильно – только тогда я вижу ответ, будто надпись на белой стене.

– На языке Бога?

– По-английски, конечно.

– Как Моисей, с которым Бог говорил на своем языке, а пророк слышал арамейский...

Хьюго покачал головой. Он не ощущал себя пророком, хотя и понимал, что переполнен не известными ему знаниями.

– Я библиотекарь, – сказал он. – И ничего больше. Все книги будущего стоят на полках в моей памяти, но, чтобы вспомнить, я должен снять с полки нужную книгу, поднести к внутреннему взгляду и прочитать написанное.

– А когда ты... – испуганно сказала Мария. – Когда...

Хьюго понял.

– Книгу смогут читать наши дети, – сказал он.

– Наши... Ты уверен, что...

Хьюго поцеловал Марию в губы, вопрос так и не был задан.

– Я голоден, как сто Пантагрюэлей, – сказал Хьюго. – И выпил бы миллион чашек кофе, как Гаргантюа.

– Я приготовлю сэндвичи. А если не хватит булочек, схожу в магазин.

– Скажи, – спросила Мария, когда они полчаса спустя сидели на диване перед журнальным столиком, жевали бутерброды и запивали горьким, как счастье, кофе, – если в твоей библиотеке есть все, то, наверно, там есть книга, в которой написано, почему Бог именно тебе и именно сейчас послал свою книгу.

– Бог? – с сомнением произнес Хьюго, отправляя в рот последний кусок сэндвича. – Не думаю. Это была библиотечная книга, верно? Из той библиотеки, которая...

Он замолчал.

– Я поняла, – Марии не нужно было объяснять, ей казалось, что всякий раз, когда она смотрит Хьюго в глаза, на нее снисходит благодать, к ней приходит вдохновение, что-то взрывается в ее душе и, расплескивая, приносит понимание единственного для нее человека. Нужно подставить ладони, чтобы не расплескать удивительное ощущение, и тогда возникает чувство, что они с Хьюго – одно целое. И не нужно спрашивать – ответ известен. Не нужно отвечать – вопросы излишни.

– Вселенная, – произнес Хьюго, глядя в глаза Марии и вглядываясь в себя, – некоторые называют ее Библиотекой – состоит из огромного, возможно, бесконечного числа шестигранных галерей...

– Библиотека, – подхватила Мария, – это шар, точный центр которого находится в одном из шестигранников, а поверхность – недостижима. На каждой из стен каждого шестигранника находится пять полок, на каждой полке – тридцать две книги одного формата, в каждой книге четыреста страниц, на каждой странице сорок строчек, в каждой строке около восьмидесяти букв черного цвета.³

– В каждой книге, – поправил Хьюго, – пятьсот пятьдесят три страницы, на каждой странице девятнадцать строк, в каждой строке по двадцать девять букв. Черного цвета, да.

– И все буквы разные, – прошептала Мария.

– Конечно, – сказал Хьюго.

Солнце поднялось выше и слепило глаза.

– Нас ждет ректор, – напомнила Мария, взглянув на часы.

– Никто, – сказал Хьюго, будто не расслышав, – не знает, как правильно задать вопрос. А библиотекарь не знает, какую книгу снять с полки, чтобы прочитать в ней ответ. Обычно и вопрос возникает только тогда, когда ответ ясен. Книги пылятся на полках, их никто не спрашивает. Тогда сам подходишь, берешь в руки книгу, читаешь первые

³ Х.Л. Борхес, «Вавилонская библиотека», перевод В. Кулагина-Ярцева.

попавшиеся строки и говоришь: «Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом».⁴ И кто поймет тебя, если вопрос не был задан?

– Можно, я задам вопрос? – сказала Мария.

– Спроси, – улыбнулся Хьюго.

– Мы пойдем в библиотеку? Ректор не любит ждать.

– Мы?

– Я с тобой.

⁴ «Откровение Иоанна Богослова», 13, 10.

Послесловие публикатора

Те из читателей, кто после прочтения повести «Библиотекарь» решил ознакомиться и с мнением публикатора, почти наверняка согласятся со мной, что стиль, язык и образная система, т.е. все то, что является "визитной карточкой" П.Амнуэля как писателя, в полной мере присущи этой повести и потому доставили нам, его постоянным читателям, очередную "порцию удовольствия".

Но П.Амнуэль как научный фантаст интересен не только своим литературным мастерством, но и плодотворными научными идеями.

Какие же новые идеи можно обнаружить в этой его работе? Идея о том, что концентрация информации может порождать "физическую материю" блестяще была представлена в фантастике ещё в интерпретации С.Лема – вспомним известный эксперимент проф. Доньды.

Есть и другое воплощение этой идеи - материализация дает не просто "горстку атомов", а конкретный предмет. Это тоже известная и задолго до С.Лема озвученная "материализации духов" в различных мистических и литературных воплощениях. Но П.Амнуэль делает следующий шаг. Существенным отличием его материализации является то, что она, в отличие от обыкновенного в таких ситуациях развития сюжета, воплощающего некое вожделение, представляет собой "естественный процесс" с неожиданным для столкнувшихся с ним людей исходом. Появляется не какая-то "красавица" или "кусочек золота", а непонятная книга. Такой исход позволяет "естественнонаучно" объяснить возникновение Торы и одно это делает сюжетную идею П.Амнуэля достойной самого серьезного внимания.

То, что повесть заканчивается «открытым финалом» с тремя возможными интерпретациями описанных событий - "ортодоксально-религиозной" в понимании Марии, «гуманитарной интерпретации Доньды» в понимании самого Мюллера и эвереттической, о которой сказал ректор, предоставляет возможность выстроить свой сюжет широкому кругу читателей.

Для меня же очевидно, что все варианты могут быть сведены к одному – эвереттическому.

И я читаю повесть именно сквозь эвереттическую мировоззренческую призму. С этой точки зрения я обратил внимание на очень важную деталь – экспоненциальный характер изменения свойств «книги». Именно такой характер динамики свойств предсказывает эвереттика для предметов, «появившихся» в нашем мире в результате эвереттических склеек. Модифицированное уравнение Шредингера, предсказывающее такое поведение материальных склеек, только недавно было опубликовано в интернете. И эта деталь – тоже один из элементов «фирменного стиля» П.Амнуэля: он включает в свои произведения самые последние научные новинки.

Но П.Амнуэль – не литературный иллюстратор научных гипотез. Если бы все сводилось только к желанию показать читателю красивый эвереттический факт, то книга не почернела бы, а превратилась в один из дамских романов, которые и стояли на библиотечной полке. Эвереттическая дидактика при этом, конечно, выигрывает, но проигрывает творчески настроенный читатель – вместо бытийственных загадок ему предложили бы обыкновенный кроссворд (хотя и очень интересный!).

Сейчас же, повторяю, каждый читатель уйдет в свою разумно осмысленную реальность, свою ветвь альтерверса, может быть, весьма отличную от моего понимания.

Я же остаюсь при ощущении, что "Библиотекарь" - это научно-фантастическая повесть о кинетических аспектах релаксации склеек и, в связи с этим, об истории "образования" Горы.

Ю.А.Лебедев

14.09.09